

Тальцы • 3(26) • 2005

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
• АРХИТЕКТУРА • ЭТНОГРАФИЯ • ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ •
• ТОПОНИМИКА • ФИЛОЛОГИЯ •

Издаётся с 1996 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

А.А. Александров. Ольгины камни в Выбутах	3
И.Ф. Петров. Поддужные колокольчики	13
А.Н. Голендеев. Гончарный промысел в Иркутской губернии ...	18
И.И. Козлов. Государева мельница на Кае	28

ЭТНОЛОГИЯ

Т.Н. Гусейнова. Народная игрушка у семейских Забайкалья	32
Л.С. Дмитриева, М.Н. Моролёв,	
С.В. Мицофутдинова. На скорую руку	46
Г.Ф. Уфимцев. «Старатель» — значит «стараться»	53

ФИЛОЛОГИЯ

Л.А. Ладик. Слово не воробей	59
---	----

НАМ ПИШУТ

Б.С. Шостакович. Еще раз к вопросу о термине «голенды»	65
---	----

У НАС В ГОСТИХ

Н.И. Волкова. Музей Г.И. Шелихова — наше становление и развитие	73
--	----

НОВЫЕ ЭКСПОЗИЦИИ

Г.М. Штеле. Усадьба Непомилуева в архитектурно-этнографическом музее «Ангарская деревня»	89
---	----

МУЗЕЙНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В.М. Лапенков. Использование возможностей коллекционеров в музейной коммуникации и трансляции	102
--	-----

КОНФЕРЕНЦИИ	109
-------------------	-----

НОВЫЕ КНИГИ	110
-------------------	-----

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЧКИ

Ф. Ясников. Байки	111
--------------------------------	-----

НА ДОСУГЕ

Советы русской опытной хозяйки	118
---	-----

Учредитель и издатель: Архитектурно-этнографический музей «Тальцы»
ЛР 040958 от 01.04.99. АЭМ «Тальцы»
Россия, 664011, г. Иркутск, ул. Халтурина, 2. Тел. (8-3952)
33-47-05

Редакционная коллегия: канд. ист. наук Т.А. Крючкова, канд. ист. наук Ю.П. Лыхин (отв. секретарь), А.К. Нефедьева, канд. культурологии В.В. Тихонов (гл. редактор)

Редактор-составитель номера: Ю.П. Лыхин

Редактор: Г.Д. Лопатовская

Компьютерный набор: Н.М. Вахтина

Оригинал-макет: С.Г. Червякова

Подготовка к печати: ООО «Репроцентр А1»

Свидетельство о регистрации № И-0236 от 21 декабря 1995 г., выдано Региональной инспекцией по защите свободы печати и массовой информации.

Адрес редакции: Россия, 664011, г. Иркутск, ул. Халтурина, 2. Тел. (8-3952) 33-47-05, факс (8-3952) 20-10-92, e-mail: talci@irk.ru

На обложке:

С. 1 — Поддужный колокольчик. Фото И. Бержинского, 2005 г.

С. 2 — Портрет Г.И. Шелихова. Худ. А. Юшков, 2000 г.

С. 3 — Деревенская посуда. Фото И. Бержинского, 2005 г.

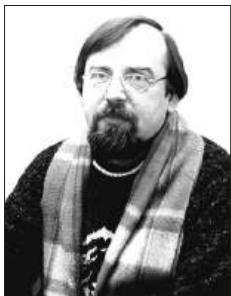
С. 4 — Городской музей Г.И. Шелихова. Фото А. Ружникова, 2000 г.

Подписано в печать 25.08.05. Формат 60 x 90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,5. Уч.-изд. л. 6,66. Тираж 1000 экз. Заказ № 5500. Цена свободная.

Отпечатано в ООО «Репроцентр А1», г. Иркутск, ул. Лапина, 1, оф. 101, тел. 203-144, 255-970, 999-003.

ОЛЬГИНЫ КАМНИ В ВЫБУТАХ

*Анатолий Алексеевич Александров,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Псковского государственного объединенного историко-культурного
и художественного музея-заповедника*

Древнейшая русская летопись — «Повесть временных лет» — впервые упоминает город Псков и княгиню Ольгу в 903 году: «В лето 6411. Игореви взрастшу [и возмужавшу] и хожаше по Олзе и слушаше его и приведоша ему жену от Пльскова, именем Олгу [десяти лет], [и бе мудра, и смыслена и красна]; [от нея же родися сын Святослав]» (6, с. 26).

У князя Игоря на севере были собственные обширные земельные владения, где он, по преданию, и познакомился со своей будущей женой Ольгой во время переправы на членоке через реку Великую. По легенде XVI века, это произошло в Выбутах, на перекрестке водного и сухопутного (броды) путей. Здесь, в окрестностях бывшего погоста Выбуты, имеется 19 пунктов, связанных преданиями с княгиней Ольгой.

Первый пункт на родине княгини Ольги — это место бывшей «веси» — деревни Выбуты, где стоит каменная церковь XV века во имя пророка Ильи. По местному преданию, первая деревянная выбутская церковь X века «тремя годами старше самого Пскова». Основание этой ранней церкви предание приписывало княгине Ольге; по тому же преданию, в Выбутах хранились сани княгини.

Здесь, в Выбутах и их ближайших окрестностях, с именем княгини Ольги связывали несколько реально существовавших или существующих объектов. Так, по сведениям местных жителей, немного выше по течению от выбутской церкви, у кладбища, под обрывом берега реки, лет 50 назад лежал Ольгин камень — валун, по размерам приблизительно вдвое меньше того, что известен у деревни Бабаево. На этом камне был выбит «след Ольги» примерно 36–37-го размера — отпечаток босой ступни. Сейчас этот камень не сохранился.

Существует изображение некого Ольгиного камня на литографии 1882 года с аннотацией внизу: «Ольгин камень в Выбутах близ Пскова». На боковой поверхности камня видно высеченное изображение креста. По деталям на этом изображении, выполненном, кстати, довольно тщательно, видно, что это Ольгин камень у деревни Бабаево, над которым стояла часовня. На заднем плане, за камнем, на литографии — ровное пространство с несколькими выступающими камнями, поле, всхолмления и слабо обозначенная, но все-таки различимая кромка луга и поля. Этот главный Ольгин камень расположен в полукилометре от реки. На другой литографии рядом с ним для масштаба изображены люди, и видно, что он много выше человеческого роста.

В 300 метрах к северу от юго-западной окраины современной деревни Бабаево, за дачными участками и строениями близ южной границы выбутского карьера, и находятся остатки этого разрушенного крупного Ольгиного камня — традиционного места поклонения местных жителей. По старым картам и спискам, здесь находилась небольшая деревня Беклеши, носившая параллельно еще и два других названия — Першино и Веригино. Позднее данная деревня вошла в состав деревни Бабаево. Поэтому все старые упоминания Ольгиного камня обычно даются с ориентацией от деревни Беклеши.

Впервые описание этого места в 1873 году дал известный псковский краевед и историк Н.К. Богушевский: «Не более как в 150 саженях к северо-востоку от Выбут — за деревенькой Беклеши — на пустынном низменном лугу, окруженном с трех сторон песчаными холмами, покрытом огромными обломками и изрытом глубокими ямами, возвышается громадная гранитная глыба — продолговатой формы, имеющая в длину до восьми, а в высоту и ширину до трех аршин. Глыба эта считается святою и называется „Ольгиным камнем“. Почему эта громадная скала считается святою и носит имя Ольги, — я никак не мог узнать.

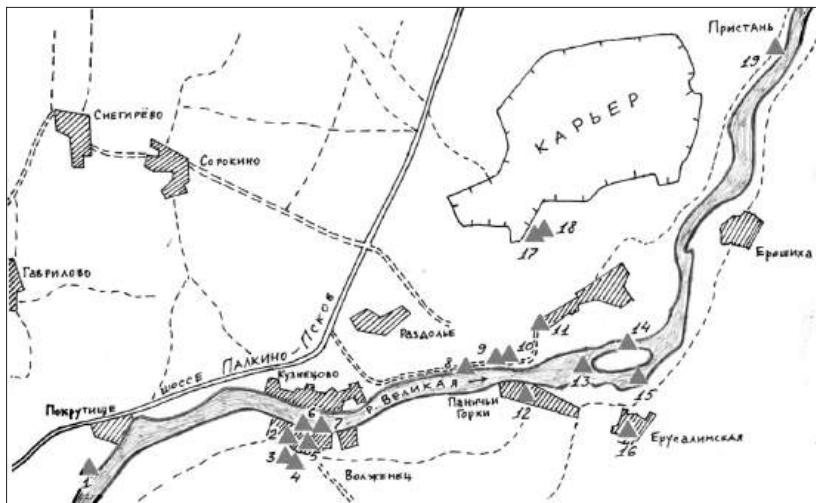
Впрочем, в народе существует следующее баснословное предание: „однажды святая Ольга, торопясь в Выбутскую церковь к заутрени, услышала, что уже кончили благовестить — и, опасаясь опоздать, бросила на поле большой камень, который несла в рукаве: облегченная таким образом она пришла в церковь еще вовремя. С той поры камень этот стал называться Ольгиным“ (3, с. 142).

Есть и другие легенды об этом камне. Например, одна из них гласит, что «когда святая Ольга отправлялась „на войну с поганью“, то несла в „платке“ множество больших камней, на

полдороге платок прорвался и из него выпал большой камень: именно тот, который лежит в поле у деревни Беклеши". Далее рассказывают, что „когда строился мост для Петербургско-Варшавской железной дороги через близлежащую реку Черёху, то Ольгин камень сверлили и хотели разорвать порохом, но никак не могли; „видно, святая не дала“, — говорит народ.

Ежегодно во время крестного хода в память святой Ольги из Псковского Троицкого собора в село Выбуты у камня совершается молебствие и открывается небольшая ярмарка. Тут же предполагается со временем устроить часовню во имя святой великой княгини» (3, с. 142–143).

В.Д. Смиречанский упоминает еще одну легенду о камне: он будто бы принесен Ольгой во время построения храма в знак ее желания, чтобы храм был на другом месте. На каком — легенда не говорит.

Карта-схема Ольгинских мест близ бывшего погоста Выбуты:
 1) сельцо Покровское и Ольгин монастырь; 2) деревня Волженец (Ольженец, Ольжино, Вольжино); 3) Ольгинские сады;
 4) Ольгинские погреба; 5) Ольгин дворец; 6) Ольгинский берег;
 7) Ольгин ключ; 8) Ольгин камень близ Выбуты; 9) погост Выбуты («весь Выбутская»); 10) Ольгина церковь; 11) Ольгин камень у деревни Бабаево; 12) деревня Паничи Горки (Ольгина Гора /?/); 13) Ольгин камень в реке Великой; 14) Ольгинские Слуды; 15) Ольгинские Ворота, или Ольгин Рукав; 16) деревня Ерусалимская; 17) Ольгин камень малый; 18) Ольгин камень большой и место часовни; 19) деревня Пристань

Село Выбуты – родина св. княгини Ольги
(рис. из журнала «Русский паломник» /1914, № 27/)

В 1878 году в связи с пребыванием в районе Выбут великих князей Сергея и Павла Александровичей и Константина и Дмитрия Константиновичей также упоминается Ольгин камень. Великие князья решили перед тем, как проводить раскопки курганов в районе деревни Ерусалимской, посетить Ольгин камень: «По окончании литургии Великие Князья присутствовали при молебне, который был отслужен всенародно на сельской площади, пред церковью, а затем они последовали за крестным ходом до Ольгина камня, т. е. до того места, до которого пришедшие из Пскова иконы провожаются местными из Лыбутской церкви. Затем Их Высочества переправились на противоположный берег р. Великой для исследования курганов... Камень этот в высоту величиною аршина четыре. Народное предание говорит о нем так: Св. Ольга несла его к берегу, где строился ею мост через реку Великую, но, услышав звон колокола к литургии, оставила его на том месте, на котором он находится и по сие время» (8, с. 4).

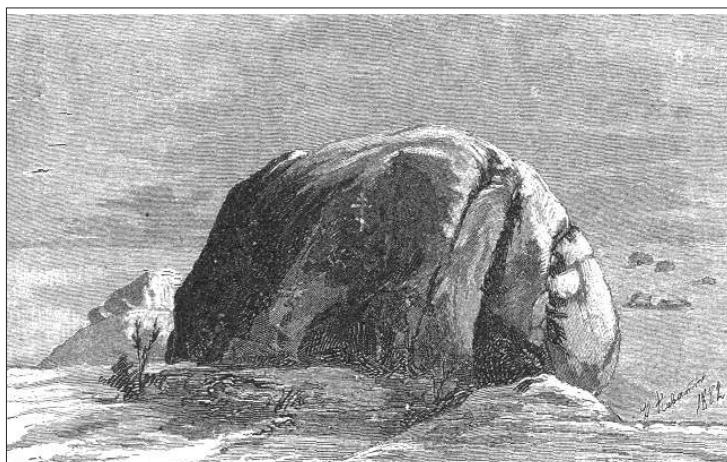
Различных легенд, по-видимому, было много. Во всяком случае, еще в 1917 году известный собиратель фольклора В.И. Чернышёв записал псковское народное предание об Ольге как о «сильной богатырке», переносившей с места на место огромные камни. Очевидно, что это предание близко к тем, что упомянуты выше.

Какая-то часть выбутских легенд дошла до наших дней и

была записана в 1990 году. При этом оказалось, что старшее поколение хорошо помнит Ольгин камень, над которым стояла часовня. Говорили, например, что на камне был Ольгин след — отпечаток босой ноги, на котором были различимы вмятины от пятки и пальцев, и его оставила княгиня Ольга. Как будто княгиня несла этот камень, чтобы отомстить — не то врагам за ее убитого мужа, не то людям, которые ей вредили, и уничтожить их этим камнем близ Выбутской церкви. Однако камень княгиня не донесла. Рассказывали, что она несла камень в подоле, а когда камень упал, то он вырос. Ольга же сидела на камне и оставила след босой ноги. Вспоминают, что след был как будто закапан кровью — очевидно, так размешались в камне красные вкрапления гранита. След был небольшой, как рассказывали, по размеру детский или женский. А другие жители утверждали, что было два следка Ольги на камне и даже отпечаток скомканного платья княгини — на том месте, где она, по преданию, сидела.

Во всяком случае, в 1914 году при закладке храма во имя княгини Ольги в Выбутах «от Ольгинской часовни на камне, на котором, по преданию, сидела св. Ольга и на котором показывают следы ее стоп, до самого воздвигающегося нового храма стоял народ, еще накануне пришедший к Ольгиному дню с крестным ходом из Пскова...» (4, с. 318).

А вот первый крестный ход из Пскова до Выбут и Ольгиного камня был учрежден и совершен еще в 1868 году —

*Ольгин камень в Выбутах
(рис. из журнала «Русский паломник» /1914, № 27/)*

**Река Великая у бывшего погоста Выбуты.
Фото А. Бояркова, 2002 г.**

накануне и в память 900-летия со дня кончины Ольги в 969 году.

В 1886 году Псковским археологическим обществом в память 1000-летнего юбилея рождения княгини Ольги (1883 г.) над камнем была построена кирпичная часовня. И вот с того времени это место стало называться не только «Ольгин камень», но и «Ольгин крест».

Часовня над Ольгина камнем видна на двух дореволюционных псковских открытках. При этом на той из них, где часовня видна в проекции сбоку, различима и небольшая часть самого Ольгина камня. Сейчас от этого высокого камня сохранилась только его нижняя часть. Это серого цвета гранит с темными и белыми включениями большого количества кварца. Интереснее всего то, что, согласно геологическим наблюдениям, самый знаменитый из Ольгина камней валуном не является, а представляет собой выступ гранитной скалы, пробившей снизу известняки и вышедшей на поверхность выше уровня дерна.

Вот здесь я хочу обратить внимание на одно существенное обстоятельство. Дело в том, что гранитные выступы скал, пробивающиеся из-под дерна, такие как этот Ольгин камень, совершенно не типичны как для окрестностей Пскова, так и для русского северо-запада в целом. Зато они являются очень типичным элементом ландшафта в Швеции и Норвегии. Как известно, княгиня Ольга имела и отца, и мать «от

рода варяжского», то есть скандинавов, да и само ее имя как в передаче императора Константина Багрянородного, с которым она встречалась лично, так и на фреске XI века в Софии Киевской — Helga-Хельга, что и было затем пере-делано в славянизированную форму Ольга. Когда увидишь пейзажи Швеции, а затем снова стоишь на Ольгином камне, начинаешь понимать, что, оседая на Руси, пришельцы-скан-динавы испытывали оструюnostальгию по родному пейзажу, и, конечно, они обратили внимание на единственную в округе гранитную скалу, которая затем получила название Ольгин камень. Между прочим, в полутора километрах к востоку на правом берегу Великой расположены сопки — крупные кур-ганы, часть из которых была раскопана, и в них выявлены элементы скандинавской погребальной обрядности. А рядом с этими сопками при раскопках поселения первой половины X века к югу от деревни Ерошихи была найдена игла от кольцевидной скандинавской фибулы — застежки. Полтора километра через реку наискосок — это совсем немного, это в пределах прямой видимости...

Места эти в раннее средневековье были обжиты. К западу от Выбут находится селище X–XIII веков. В основании его на материке найдена лепная керамика — это приблизительно время жизни княгини Ольги. Еще западнее — курганская группа, насчитывающая ныне шесть круглых и два длинных

*Церковь XV века во имя пророка Ильи
в Выбутах. Где-то рядом стоял первый храм,
заложенный Ольгой. Фото А. Бояркова, 2002 г.*

кургана. Погребения здесь разновременные — от каменных вымосток эстонского типа II века нашей эры до насыпей круга культуры длинных курганов V–VIII веков.

Не все археологические памятники сохранились доныне в районе Выбут. Например, по состоянию на 1913 год В.Н. Крейтон сообщал: «Следует отметить еще присутствие нескольких очень крупных сопок и продолговатых насыпей по обеим сторонам дороги из Пскова в погост Лыбыты, не доеzzя полуверсты от последнего» (5, с. 3).

Если продолговатые, или, как их еще называют, длинные, курганы можно как-то соотнести с той курганной группой, что раскапывал у часовни известный археолог В.Н. Глазов, то наличие «очень крупных сопок» заставляет предположить присутствие здесь высоких насыпей сопочной культуры IX–X века, то есть времени княгини Ольги, не известных больше ни по каким данным. Какие-то курганы В.Н. Глазов раскапывал и близ Выбут. Известно, что оттуда происходили небольшой серп и три гвоздя. В музее Псковского археологического общества хранился какой-то наконечник копья, «найденный в погосте Выбуте».

А близ часовни «Ольгин Крест» в 1904 году им обследовались и раскапывались длинные и круглые курганы с погребениями по обряду сожжения, относящиеся к третьей четверти I тысячелетия нашей эры. Раскопано было десять курганов, в них найдены остатки погребений по обряду сожжения, обломки спирального браслета, керамика, отдельные железные вещи и обломок синей бусины. Высота насыпей была невелика: 1–1,5 метра. Это явно не сопки Крейтона. Находились данные курганы на ровной песчаной местности, поросшей мелким можжевельником. Этот пирамидальный можжевельник и ныне растет близ Ольгина камня. Точно такой же можжевельник я видел на курганах в Бирке под Стокгольмом.

Рядом с остатками большого Ольгина камня местные жители показывают еще один камень, на котором как будто также сидела княгиня Ольга. Не уверен, что он действительно ранний, но предание — это предание...

По воспоминаниям местных жителей, еще один Ольгин камень находился на западной окраине деревни Бабаево. Размеры его, по рассказам, были невелики, и он в дальнейшем, в ходе земляных работ, был смещен в сторону главного Ольгина камня. Действительно, если идти от дачных участков к главному Ольгиному камню, то слева от тропинки в группе передвинутых откуда-то камней можно увидеть небольшой валун — типичный камень-следовик с имитацией отпечатка следа не-

большой ноги. Возможно, это и есть тот самый камень с окраины Бабаево.

Вот уже в третий раз в описании выбутских окрестностей я говорю о камне с выемкой, напоминающей отпечаток следа человеческой ноги или, как еще называют такой тип камней, камень-следовик. Культовые и исторические камни представляют собой особую разновидность историко-археологических памятников, которые широко распространены на землях Латвии, Литвы, северной Беларуси, а также в соседних с Псковской Ленинградской, Новгородской и Тверской областях. В ряде случаев эти камни связываются преданиями с христианской традицией — след на камне считается следом Богородицы или какого-либо святого. Над некоторыми из таких камней ставились часовни. Сейчас в Псковской области известно не менее 214 культовых камней, из числа которых 90 — это камни-следовики. Думаю, что со временем их будет выявлено много больше. Традиция почитания таких камней не славянская. Она восходит первоначально к языческим представлениям балтийских народов — предков современных латышей и литовцев. Известно, что какие-то группы балтийского населения проживали на территории Псковской области. Наверняка во времена Ольги в здешних глухих краях еще можно было услышать балтийскую речь. Часть балтийских традиций была воспринята местными славяна-

*Крутой выбутский берег. Вид с реки Великой.
Фото А. Бояркова, 2002 г.*

ми, в том числе и отдельные элементы почитания культовых камней. Затем христианская традиция «выжгла» язычество, и там, где были поклонные языческие места, воздвиглись христианские святыни. Думаю, что так произошло и с Ольгиними камнями.

Однако кроме культовых камней есть и камни исторические, с которыми связаны те или иные предания. Есть один такой камень и в районе Выбут. Там, где остров Шацкой, или Богдановский, разделяет реку Великую на два рукава, которые носят названия Ольгины Слуды и Ольгины Ворота (или Ольгин Рукав), показывали выступающий из воды крупный валун, также называемый Ольгин камень. Он расположен немного выше по течению реки Великой от острова — «...сажен за двадцать от его верхней оконечности...». И «предание говорит, что когда святая Ольга купалась в реке, то после купанья камень этот служил ей местом отдохновения» (3, с. 143).

Где-то рядом с ним Ольга перевозила в челне через реку своего будущего мужа — великого киевского князя Игоря...

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров А.А. Культовые камни Псковской земли в балтийском контексте // *Senovēs baltu kultura. Dangas ir zemes symbolai*. — Vilnius, 1995.
2. Александров А.А. Первая псковитянка // Родина. — 2003. — № 7.
3. Богушевский Н.К. Заметка о селе Выбутах (Лыбутах), родине святой Великой княгини Ольги Российской // Труды III Археологического Съезда. — М., 1873. — Т. II.
4. Закладка храма во имя св. равноапостольной княгини Ольги Российской в пог. Выбут // Псковские епархиальные ведомости. — 1914. — № 14–15.
5. Крейтон В.Н. Археологические разведки и раскопки в Псковской губернии в течение лета 1913 г. // Труды Псковского археологического общества. — Псков, 1914. — Вып. 10.
6. Сводная летопись, составленная по всем изданным спискам летописи Л.И. Лейбовичем. — Вып. 1: Повесть временных лет. — СПб., 1876.
7. Смиречанский В.Д. Погост (весъ) Выбута (Любута). — Псков, 1914.
8. Соколов Н.И. О погосте Лыбуте // Псковские губернские ведомости. — 1879. — № 41.

ПОДДУЖНЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ

*Игорь Федорович Петров,
доктор философских наук,
профессор Кемеровского
государственного университета
культуры и искусств*

С конца XVIII до XX столетия колокольчики были атрибутом как почтовых, так и частных троек. Правда, первоначально они использовались только на почтовых трактах и выполняли роль своеобразного сигнального средства, извещая о прибытии курьерской повозки. Большой знаток поддужных колокольчиков А.К. Ганулич приводит такой исторический факт, как обращение почтового департамента к Сенату от 12 августа 1808 года. В нем говорится, что новоторжские обыватели ездят во все дни с колокольчиками и ямщики на станциях в Торжке и Медном, когда приходит почта, часто бывают не готовы, думая, что едет какой-то обыватель с колокольчиком.

Многочисленные жалобы привели к тому, что 18 декабря 1836 года вышло постановление Сената, в котором указывалось: «Запретить употребление колокольчиков всем тем, которые едут на собственных или вольнонаемных лошадях». Но мелодичный звон колокольчиков так полюбился, что запрет постоянно нарушался — тройки с колокольчиками были спутниками практически всех праздничных событий в крестьянской жизни. И в 1860 году снова был введен строгий запрет употреблять поддужные колокольчики не на почтовых лошадях.

Интересно происхождение самого слова «колокол». Лингвисты толкуют его как удвоение звукоподражательного корня. А.Н. Давыдов считает, что, видимо, следует вспомнить традиционное использование колокола при пастыбе: слушая звук ботала, привязанного к шее животного, легко заметить, что при движении лошади, коровы или овцы наиболее часты именно двойные удары, звук которых близок к звукоподражанию «кол».

Развитию производства колокольчиков способствовало возникновение почтового сообщения с конца XVII века. Наиболее известными трактами были:

Москва–Клин–Тверь–Торжок–Вышний Волочек–Зимогорье–Новгород–Чудово–Тосно–Санкт-Петербург;

Москва – Владимир – Нижний Новгород – Казань–Елабуга–Ижевск–Пермь–Кунгур–Суксун–Екатеринбург–Тюмень–Тольск;

Москва–Серпухов–Тула–Плавск–Мценск–Орел–Курск–Белгород;

Москва–Сергиев Посад–Переславль–Залесский–Ростов Великий–Ярославль–Данилов–Вологда–Вельск–Шенкурск–Холмогоры–Архангельск.

По надписям на колокольчиках исследователи составили перечень населенных пунктов и районов, в которых находились наиболее известные заводы и мастерские по изготовлению колокольчиков. Это:

- Валдай (Новгородская губерния);
- село Пурех и Андреевская волость Балахнинского уезда, село Лысково Макарьевского уезда и село Большое Мурашино Княгининского уезда (Нижегородская губерния);
- Рязань и деревня Поповская (Рязанская губерния);
- Тюмень (Тобольская губерния);
- Елабуга, Яранск, Уржум, Нолинск, село Жерновогорское Яранского уезда (Вятская губерния);
- Тула;
- Вологда;
- Слободской (Вятская губерния);
- Саратов;
- Невьянск, Кунгур, Баранча, Сысерть, Суксун, Екатеринбургский уезд (Пермская губерния);
- Санкт-Петербург;
- Орел;
- Московская губерния;
- Мезень (Архангельская губерния) и др.

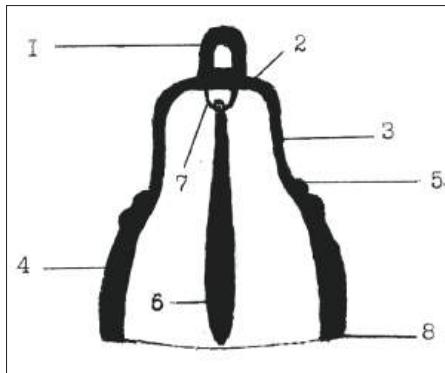
Из приведенного списка следует выделить четыре наиболее известных центра производства поддужных колокольчиков в России. Это города Валдай, Касимов, Слободской и село Пурех. Выдающаяся роль в этом ряду принадлежит Валдаю. Популярность валдайских колокольчиков была столь велика, что в энциклопедическом словаре прошлого века (издательство Гранат и К°) при характеристике города упоминается прежде всего, что он «...известен литьем колоколов и бубенчиков».

Валдайские колокольчики часто отождествлялись с поддужными вообще, а мастера других центров — в частности села Пуреха — иногда отливали на своих изделиях надписи: «Валдай» или «Дар Валдая». К слову сказать, не только они. В конце XIX века появляется немалое количество псевдовалдайских колокольчиков. При этом известны не только русские, но и иностранные подделки. Колокололитейщики из Скандинавских стран (Швеция, Финляндия) думали, что секрет валдайского производства — в надписи, которая имеется на юбке колокольчика (это место боя, по которому удараётся язычок). Иностранцы считали, что каждая буква в надписи влияет на звучание. Поэтому они старательно списывали валдайские тексты, повторяя в точности и форму колокольчика. Не обошлось без курьезов. Смысла надписи иностранцы не понимали и воспроизводили на своих колокольчиках даже свидетельство о том, что отлиты они в Валдае тем или иным мастером. Иногда даже «подправляли» или произвольно переставляли местами буквы, выбрасывали «некрасивые», на их взгляд, слоги. Получались забавные надписи...

В Валдайском филиале Новгородского музея-заповедника создан методический центр по изучению колокольчиков. Его сотрудники ведут переписку со многими частными коллекционерами и музеями страны. На основе этих контактов составлен каталог подписных колокольчиков, хранящихся в государственных и частных коллекциях. Зафиксировано около 800 разновидностей подписных колокольчиков. Из них: 181 — валдайские изделия, 48 — псевдовалдайские, 393 — из села Пуреха, 78 — из города Слободского, 49 — из города Касимова, 12 — из города Тюмени, 8 — из города Павлова и др.

Поддужные колокольчики.
Фото И. Бержинского, 2005 г.

Составные части колокольчика

дверные, столовые, коровьи, гречужные, седелочные, валдайки и др.

Одни из них имеют ступенчатую форму, другие — гладкие или с узором, с надписью или без, толстостенные (плотные) или тонкостенные... Колокольчики каждого типа различаются по номерам: от первого до десятого. Наиболее крупные носят нолевые номера — 0 (один ноль), 2/0 (два ноля), 3/0 (три ноля) и даже 4/0 (четыре ноля).

На колокольчиках, изготовленных в разных местах и разными мастерами, встречаются надписи: «с серебром». Они бывают на изнаночной стороне сковороды вокруг дужки или на юбке — как с внутренней, так и с внешней стороны. Среди обывателей можно встретить легенду об облагораживающем влиянии примеси серебра на звон колокольчиков. Подвергнутая В.Ф. Потехиным строгой проверке, эта легенда оказалась несостоятельной. Более того, незначительная доля серебра (2 %) не оказывала влияния на качество звона, большая — ухудшала его. Среднесуммарное же количество серебра в колокольчиках «с серебром» — 0,04 %, во всех остальных — 0,05 %. Таким образом, нужно согласиться с выводом Л.З. Година, что серебро в колокольчиках присутствует лишь в виде примеси и, следовательно, надпись «с серебром», помещавшаяся на колокольчиках, делалась в рекламных целях.

Принятая терминология (см. схему):

1. Ушко — верхняя часть с отверстием, служащим для подвешивания колокольчика.

Обратившись к приведенной в конце статьи литературе, можно подробно ознакомиться с историей и особенностями колокольного промысла в указанных центрах.

Колокольчики имеют множество наименований: сибирские, новосибирские, гранные, гладкие, подшайные (подвешиваются к подгартку, который крепится на шею пристяжной лошади), рыбацкие,

2. Сковорода — часть колокольчика (круглая, овальная, квадратная, прямоугольная) вокруг ушка.
3. Туло́во — расположено между сковородой и юбкой.
4. Юбка — нижняя часть колокольчика (обычно отделяется от туло́ва профилированными поясками), по которой ударяется язычок.
5. Профилированный поясок.
6. Язычок — ударная часть в виде металлического стержня или кольца на ремешке, крепится внутри колокольчика за петлю.
7. Петля — служит для крепления язычка, расположена в центре внутренней стороны сковороды.
8. Торец — нижняя часть колокольчика между его внутренней и внешней сторонами (иногда на нем встречается надпись).

ЛИТЕРАТУРА

- Ганулич А.К. К истории производства поддужных колокольчиков в России // Колокола: история и современность. — М., 1985.
- Ганулич А.К. Поддужный колокольчик // Наука и жизнь. — 1982. — № 7.
- Ганулич А.К. Русская троечная упряжь — музыкальный инструмент // Наука и жизнь. — 1983. — № 12.
- Годин Л.З. Звонкий металл // Знание — сила. — 1974. — № 10.
- Потехин В.Ф. О содержании серебра в поддужных колокольчиках // Колокола: история и современность. — М., 1985.
- Пухначёв Ю.В. Загадки звучащего металла. — М., 1974.
- Соколов Г.А. Из истории почты в России // Наука и жизнь. — 1973. — № 9.
- Шершнев М.Н. Искусство колокололитейных мастеров Вятской губернии // Колокола: история и современность. — М., 1985.
- Яковлева Н.П. Колокольное производство в Валдае // Колокола: история и современность. — М., 1985.

ГОНЧАРНЫЙ ПРОМЫСЕЛ В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ

Андрей Николаевич Голендеев,
заведующий отделом
народных промыслов и ремесел
Архитектурно-этнографического музея
«Тальцы», г. Иркутск

Обращение к такому традиционному народному промыслу, как гончарный, вызвано, во-первых, потребностью в научном обосновании строительства экспозиции, рассказывающей об этом промысле, а во-вторых, практической потребностью, связанной с возрождением гончарного промысла на территории Архитектурно-этнографического музея «Тальцы».

Гончарное производство подразумевает наличие двух основных составляющих, а именно сырья и мастера-гончара. Где же брали необходимую для выделки посуды глину? Ответ на этот вопрос имеется в книге И.И. Серебренникова «Промыслы Иркутской губернии», изданной в 1914 году: «Лучшие глины, белая и красная, находятся в Оёкской и Бельской волостях» (12, с. 69). Бедная, кирпичная — есть во многих местах, например близ Иркутска, на Глазковской горе, на обоих берегах реки Ушаковки.

Гончарный промысел существовал почти во всех волостях Иркутской губернии. Занимались гончарством как мужчины, так и женщины. По данным за 1889 год, в Оёкской волости из 20 гончаров 8 человек были мужчины, 12 — женщины. Всего, по тем же данным, по Иркутскому округу было 20 гончаров-мужчин и 17 гончаров-женщин, по Балаганскому округу — 10 гончаров, по Нижнеудинскому округу — 7 гончаров. Общее число гончаров по трем округам — 54 человека. По сведениям «Обзоров Иркутской губернии» за 1900–1909 годы, количество гончаров, выделявших посуду, в указанных округах менялось от 54 человек в 1900 году до 20 — в 1909-м.

В гончарстве Иркутской губернии присутствовали различ-

ные формы организации производства: домашняя, изготовление изделий на заказ, производство посуды для неопределенного покупателя. Домашней формой — изготовлением глиняной посуды для себя, обычно занимались женщины. При этом посуда выделявалась без гончарного круга жгутовым или ленточным, спиралевидным или кольцевым налепом. Для такой формовки могли быть использованы в качестве подставки предметы, имеющие плоскую поверхность, например лавка, перевернутая вверх дном керамическая посуда.

Другой формой — изготовлением изделий на заказ, проходившим в пределах селения, где она и производилась, могли заниматься как мужчины, так и женщины. В данном случае применялся ручной гончарный круг и для заглаживания уже сформованного жгутами или лентами изделия, и для вытягивания посуды из одного куска глины. Обжиг при этом велся либо в русской печи увеличенного объема, либо в специализированном горне. При обжиге в горнах для придания посуде водонепроницаемости часто применялся способ «задымления» или «синения».

Третья форма производства, с рыночным сбытом продукции, осуществлялась в основном мужчинами и на ножном гончарном круге как наиболее производительном по сравнению с ручным кругом и лепкой сосудов без круга. Обжиг изделий велся в специализированных горнах. Для придания лучших эксплуатационных свойств применялось глазирование.

*Кухонная посуда. Латки.
Фото А. Голендеева, 2005 г.*

Различные формы промысла характеризовались разными способами организации рабочего места гончара. Первой форме (домашняя) соответствовало непостоянное рабочее место, расположенное прямо в доме. При второй форме (производство на заказ) могло быть как непостоянное, так и постоянное рабочее место. Для последнего могли использоваться подсобные помещения, иногда и бани. Третьей форме соответствовало отдельное помещение для выделки посуды — мастерская. В зависимости от экономической ситуации разные формы промысла могли изменяться, переходить одна в другую. Первая форма гончарного промысла могла сочетаться с сельскохозяйственным производством. При второй и третьей формах гончарный промысел занимал все время, поэтому часто при этом гончары и хлебопашеством не занимались. Хотя именно в тех местах, где размеры запашки наименее обеспечивали население, промысловая деятельность достигала наибольшего развития.

Основную часть гончаров составляли переселенцы — новоселы и ссыльнопоселенцы. На новом для себя месте работы они применяли имеющийся у них трудовой опыт к местным условиям, местному сырью, часто сохраняя знакомые им традиции в способах подготовки формовочной массы, способах формовки и видах выделываемых изделий, их декорирования. Глиняная посуда, встречавшаяся в обиходе населения Приангарья, по данным этнографа Г.С. Масловой, описывавшей гончарство русского населения Восточной Сибири, очень разнообразна по формам и названиям изделий. В ней часто встречаются то северно-, то южновеликорусские, то украинские черты, что связано, по ее мнению, со смешанным составом населения и, в частности, гончаров на этой территории. Во время комплексных этнографических обследований Верхнего Приангарья, проводимых в 1950–1960-х годах, не обнаружено местных старинных очагов гончарного производства, та же ситуация зафиксирована по рекам Оке и Ии. Однако отмечено гончарство с применением техники спирального налепа у русского старожильческого населения в верховьях Лены, а также на Илиме.

Заготовка глин для выделки гончарных изделий происходила в разных местах в различное время года. Зимой привезенную карьерную глину обычно складывали в ларь, находившийся в избе за печью, в теплое время добытую

*Кухонная посуда. Горшки.
Фото А. Голендеева, 2005 г.*

глину могли использовать сразу же для производства или укладывали в глинники — ямы со стенками, укрепленными деревом, которые специально устраивали во дворе усадьбы, или вне усадьбы на улице. Такое вылеживание глины улучшает ее пластичность, уничтожает слоистость и разрыхляет. В дальнейшем глиняное тесто приготавливали различными способами и затем уже использовали для формовки изделий на ручном или ножном гончарном круге либо без помощи круга путем налепа — наиболее архаичного способа формовки глиняной посуды. Выделанная налепом посуда обычно имела толстые, неровные, слабовыпуклые стенки, была тяжела. Глиняная посуда, выкрученная на ножном гончарном круге, имела более совершенную форму, более тонкие стенки и, соответственно, была легче. Производительность труда при использовании ножного гончарного круга с подвижной осью была гораздо выше, чем при лепных способах, но при этом требовалась высокая квалификация гончара и, следовательно, большее время на получение профессиональных знаний, поэтому на таком круге работали в основном мастера-мужчины. Выделанные изделия могли быть декорированы по внешней поверхности каким-либо узором, орнаментом, главным образом способами тиснения и процарапывания заостренным или тупым концом деревянной палочки, гребенкой или штампом. Наиболее часто используемым орнаментальным мотивом являлись линии и

волны («вьюшки»), иногда две переплетающиеся волнистые линии в виде восьмерки.

Подвяленные изделия иногда с целью повышения поверхностной прочности и водонепроницаемости подвергались лощению, то есть заглаживанию до блеска каким-либо гладким предметом: камешком, костью, деревом. После сушки, продолжительность которой определялась размерами и толщиной стенок изделий, глиняная посуда обжигалась либо в русской печи обычной или увеличенного объема, либо в наземных или земляных горнах. Обжиг в русской печи длился несколько часов. В обычную печь входило 30–50 сосудов, а в печь увеличенного объема — 100–120. Наземные горны, использовавшиеся для обжига, были открытого или закрытого типа, круглые или прямоугольные. Обычно такие горны состояли из двух основных объемов: нижнего — топки, и верхнего — камеры для размещения обжигаемых изделий. Между ними имелась разделительная перегородка с продухами — отверстиями для прохождения горячих газов, образующихся в результате горения топлива. Земляные горны также состояли из двух объемов — топки и обжиговой камеры, между которыми имелся решетчатый свод. Загрузка и выгрузка изделий в них осуществлялась через открытый верх обжиговой камеры. Обжиг начинали утром, для того чтобы вечером лучше было видно, насколько нагрелись изделия. Предварительно горн вечером, накануне закладки изделий,

*Посуда для хранения и транспортировки. Корчаги.
Фото А. Голендеева, 2005 г.*

*Посуда для хранения и транспортировки. Крынки.
Фото А. Голендеева, 2005 г.*

немного протапливали. Температуру во время обжига повышали постепенно. Обжиг длился в среднем от 8 до 14 часов в зависимости от размеров горна, качества дров, климата и т. д.

В заключение обжига готовые изделия подвергались следующим видам химико-термической обработки с целью придания водонепроницаемости и дополнительной механической прочности: обвариванию, задымливанию, глазированию. Обваривание применялось чаще при обжиге в русских печах и заключалось в погружении раскаленных изделий в водный раствор муки (ржаной или пшеничной). При этом происходила закупорка микропор стенок глиняного сосуда и тем самым повышалась водонепроницаемость. После такой обработки изделия приобретали оригинальную пятнистую окраску.

Задымливание, или дымление, обычно производилось в горнах. Для этого в конце обжига в топку закладывались смолистые дрова, причем плотно закрывались и топка, и дымоход загрузочного отверстия горна. В результате создания в горне восстановительной среды (бескислородной газовой) углерод внедряется в поры керамического черепка и не только восстанавливает окись железа в закись, но и благоприятно влияет на его качество, уменьшая пористость и увеличивая прочность. Кроме этого, посуда приобретала черный с синим отливом цвет, поэтому ее называли «синей», «синикой», «горной».

Еще одним видом химико-термической обработки, придающим посуде водонепроницаемость и дополнительную механическую прочность, являлось глазурование изделий керамическими глазурами. Готовая глазурь наносилась на глиняную посуду двумя способами. Первый (сухой) осуществлялся так: просушенные изделия обмазывались дегтем и затем обсыпались сухой глазурной смесью. Второй (мокрый) состоял в следующем: просушенная посуда окуналась в водный глазурный раствор. После нанесения глазури изделия помещались в горн и обжигались до тех пор, пока глазурное покрытие не начинало блестеть. Блеск показывал, что произошло плавление глазурных составляющих с образованием тонкого стекловидного водонепроницаемого покрытия. Глазурованную посуду в основном изготавливали в городских мастерских. На селе делали больше обварной и дымленой. По этому поводу есть интересное замечание Л.И. Петри в книге «Гончарный промысел», где идет речь об иркутских городских гончарах: «Сами гончары предпочитают в своем собственном хозяйстве употреблять посуду, привозимую из окрестных сел, каменную, тяжелую, черную — она лучше и безопаснее, по их мнению, и долго служит» (9, с. 19).

Производительность труда гончаров при использовании ножного гончарного круга была следующей: «хороший работник или работница могут приготовить в неделю 100–200 штук раз-

*Столовая посуда. Миски.
Фото А. Голендеева, 2005 г.*

ной величины посуды, стоимостью на 5–10 рублей, материала при этом выйдет на 1–2 рубля, дрова для обжига от 75 коп. до 1 руб. 50 коп., чистый заработка в неделю 4–7 рублей» (6, с. 368). По данным Л.И. Петри об иркутских городских гончарах 20-х годов XX века, за месяц гончар выделял примерно 350 штук разной посуды. При этом заработка его составлял в среднем 2 руб. 40 коп. в день.

Какую же посуду изготавливали гончары? По функциональной принадлежности выделяемую глиняную посуду можно разделить на следующие виды:

1) кухонная — горшки, объемом от 1 до 10–12 литров, латки, глиняные сковороды, макитры — сосуды с широко раскрытым устьем и сужающимся от него ко дну туловищем, которые использовали для растирания продуктов, заквашивания теста, а нередко для приготовления пищи на огне и других целей;

2) для хранения и транспортировки — крынки, кувшины, корчаги — сосуды с выпуклыми стенками, широким устьем, часто имевшие ушки — дугообразные ручки и крышки, используемые для засолки огурцов, капусты, грибов, хранения варенья, меда, жира, сметаны, заведения сусла для пивоварения; подойники — горшкообразные сосуды, применявшиеся при доении молока;

3) столовая посуда — миски, чашки, кружки и блюда, а также со второй половины XIX века чайники, супники, хлебницы, сахарницы, солонки и прочее;

4) декоративная керамика — вазы, повышенный спрос на которые обозначился в начале XX века в связи с развитием декоративного цветоводства, фигурные сосуды, скульптура малых форм, глиняные игрушки, пепельницы;

5) изделия хозяйственного назначения: лохани — большие, объемом 10–15 литров, посудины, использовавшиеся для стирки белья, мытья посуды, умывания; рукомойники — горшкообразные сосуды с двумя симметрично расположеными носиками для слива воды и ушками для подвешивания; посуда для гонки дегтя, дымари для пчел, дымоходы и вентиляционные трубы, ладанки (кадильницы), глиняные грузила для сетей, «генералы» (ночные горшки).

Сбывали свою продукцию гончары в местах производства, часть изделий развозилась по соседним селениям и инородческим улусам. Мастера подгородных селений продавали глиняную посуду на городских базарах. По данным Л.И. Петри, большая часть иркутских городских

*Посуда хозяйственного назначения. Подойники.
Фото А. Голендеева, 2005 г.*

гончаров сбывала свой товар скупщикам, находя такой способ сбыта более выгодным и менее хлопотливым, чем содержание собственного ларька на базаре. Реализация происходила в среднем по следующим ценам: «кринка — 5–9 коп., горшок — 5–12 коп., цветник — 2–20 коп., макитры — 12–50 коп., чашки — 5–10 коп., корчаги — 15–40 коп.» (12, с. 69). Часто гончары прибегали к натуральному обмену: «за 1 пуд ржи — 10 кринок» (13, с. 60). Меняли глиняную посуду на сало, яйца, муку, печенный хлеб. Могли также менять со- суд на такое количество, например муки, которое входило в данный сосуд.

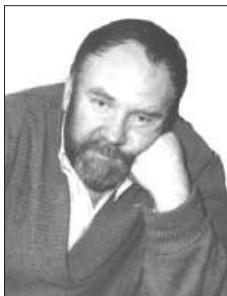
Таковым было состояние гончарного промысла в Иркутской губернии на рубеже XIX и XX веков. К середине XX века в силу ряда причин: изменение бытовых условий, появление других видов посуды, а также увеличение объемов промышленного производства фаянсовой и фарфоровой посуды, административные меры советского государства по искоренению мелкособственнического производства — гончарный промысел пришел в упадок. Небольшая часть гончаров перешла работать в государственные формы промысла. Впоследствии эти формы, например в Иркутске, перестали существовать. Но надежда на возрождение гончарного промысла все же появилась. В музее «Тальцы» сложился и окреп за десять лет своеобразный Тальцинский промысел глиняной игрушки —

свиристульки. Отмечается устойчивый спрос на глиняную посуду ручной выделки, что может вызвать появление новых мастеров-гончаров и создание гончарных мастерских в Иркутске и Иркутской области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобринский А.А. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы. — М., 1991.
2. Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. — Новосибирск, 1971. — Ч. I: Приангарье.
3. Козьмин Н.Н. Существует ли кустарная промышленность в Иркутской губернии? — Иркутск, 1904.
4. Малинина М.Д. Техника гончарства Мещеры, д. Вырково. — Рязань, 1931.
5. Маслова Г.С. Гончарство русского населения Восточной Сибири // Краткие сообщения Института этнографии. — 1962. — Вып. 37.
6. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта населения Енисейской и Иркутской губерний. — М., 1890. — Т. II, вып. 1–2.
7. Мимоченков С.А. Белорусское народное гончарство. — Минск, 1984.
8. Обзоры Иркутской губернии за 1890–1909 годы.
9. Петри Л.И. Гончарный промысел. — Иркутск, 1929.
10. Протасова Н.И. Очерки о Нижнеудинске. — Иркутск, 2000.
11. Сабурова Л.М. Культура и быт русского населения Приангарья. — Л., 1967.
12. Серебренников И.И. Промыслы Иркутской губернии. — Иркутск, 1914.
13. Соколов М.П., Самохин А.Т. Сельские кустари Вост.-Сиб. округов по обследованиям 1925 г. — Иркутск, 1927.

ГОСУДАРЕВА МЕЛЬНИЦА НА КАЕ

Иван Иванович Козлов,
старший научный сотрудник
Музея истории города Иркутска

В 1672 году, возведя новый Иркутский острог, руководивший его строительством Андрей Барнышев приказал работным людям поставить также государеву мельницу на сторонней речке Кае. Жернова для мельницы вытесали из песчаника Карп Герасимов и Иван Антонов. Это известно из книг денежной и хлебной казны Иркутска: «Наймованы промышленные люди Карпунка Евсевьев (Карп Герасимов. — И. К.), Ивашка Антонов к государевой мельнице жернова сделать шестерики и за ту работу дано 8 руб.» (1, с. 51).

Хороший конь в ту пору стоил три рубля. Немалых денег стоил жернов, немалых.

Государева мельница на Кае стала в те годы не просто агрегатом для перемалывания зерна в муку — она стала материальной базой хлебной политики иркутского правительства в Прибайкалье и за Байкалом. Дело в том, что в те времена русские упорно и безостановочно продвигались в Забайкалье — на Селенгу, в Даурию, на Шилку, все чаще выходили на берега Амура и оседали вдоль него. Забайкалье оставалось неосвоенным и хлеба своего не производило, а государево жалованье хлебом, ячменем, солью получало из ближайшей метрополии — из иркутских хлебных и соляных амбаров. О том, что это так, говорят многие записи в книгах амбарной казны, в книгах расхода денежного жалованья: «Куплен струг однодеревый у пятидесятника казачья у Анисима Михалева впредь для посылки за Байкал с хлебными запасы» (там же).

В 1676 году Николай Спафарий, направляясь посланником в Китай, также получал содержание из хлебной казны Иркутского острога: «Сентября 7. Дано посланнику Миколаю Гавриловичу Спафарию из государевой казны 50 пуд муки ржаной с мешками, 10 пуд круп ячных, 3 четверти с осминою ячменя, а та де мука дана из даурских остальных запасов» (там же).

Или заготовлено впрок было много, или что-то недополучили даурские казаки. А так случалось. Например, в 1696 году селенгинские казаки, не получая долго жалованья ни деньгами, ни хлебом, пришли на стругах к Иркутску со знаменами, пищалями и барабанами и требовали у воеводы расчета, угрожая обложить и сжечь город. Осада Иркутска продолжалась несколько дней — это был известный бунт селенгинцев при воеводе Савелове.

Мельником на кайскую государеву мельницу определили того же Карпа Герасимова, который тесал жернова и, надо полагать, был вообще знатоком мельничного и плотинного дела и являлся, таким образом, одним из первых механиков в Иркутске. Механик потому, что на водяном колесе до изобретения паровой машины создавалась вся заводская и горная промышленность, ибо водяное колесо пилило бревна на доски, дробило руду и давало дутье в домны, откачивало воду из рудников, опускало и поднимало людей в штолни, сверлило стволы пушек и фузей, тянуло проволоку, рубило гвозди и вообще проделывало любую машинную работу.

В XVII веке вдоль по Иркуту, на его прибрежных лугах и еланях уже стояли заимки и вотчины Перфильевых (Максимовщина), Михалевых, Гаськовых, Шумиловых, уже стояла заимка Васьки Федорова, смолокура (Смоленщина), заимка Никиты Синюшина (на Синюшиной горе), стояли Коклаши (Баклаши), Казачьи луга, всюду были подняты пашни, и хлеб на государеву мельницу, в государевы амбары, шел ходом. Тихая речка Кая со стоявшей на ней плотиной, запрудой и мельницей стала средоточием материального обеспечения дееспособности и местной, и центральной власти. На государевом обеспечении находились не только казаки, охраняющие земли, не только местная администрация во главе с воеводами, не только посланники и наезжавшие царские люди, но и политические ссыльные, заброшенные в далекие сибирские края по соображениям государственной важности.

В Иркутске из государевой хлебной казны получал содержание бывший грозный и всесильный гетман Украины Демьян Многогрешный, заточенный в далекую Сибирь рукою молодого Петра Первого. И мы знаем из канцелярских росписей, сколько получал «бывший гетман Демка Игнатьев сын Многогрешный», когда из мельничных амбаров выходил кто-либо из мельников или целовальников и бросал небрежно: «Иди,

гетман, получи государеву милость». А милость государева была равна почти воеводскому жалованью.

Ни в одной из энциклопедий не указана дата смерти Демьяна Многогрешного, лишь обозначено, что умер он после 1692 года. Из иркутских книг мы точно знаем, что умер бывший гетман Украины в преклонном возрасте, в стенах Вознесенского монастыря, в 1703 году, в год основания города Петербурга.

В 1684 году мельницу на речке Кае полой (весенней) водой «оприжало и опрокинуло», то есть подмыло и повредило. Но она оставалась столь важной для хлебных дел, что ее починили в то же лето. Управлялся на мельнице в те дни уже другой мельник — Афоня Карпов, а точно — Афиноген Карпович Герасимов, сын Карпа Герасимова. Конечно, Афиноген, как и его отец, тоже был статейным механиком. Хлебушек в те поры шел на мельницу таким потоком, что решено было в государевом жалованье мельнику Афоне Карпову вообще отказать, а питаться ему «лопатошным», то есть брать лопатку муки с каждого наполненного мукою мешка.

«Лета 7208 года, декабря в 1 день. По указу Великого государя... (долгое перечисление и пояснение)... мельника тебя Афоньку Карпова из окладу их выписать и впредь...

Пруд на мельнице близ г. Иркутска.
Почтовая карточка, 1890 г.

хлебного и соляного жалования давать не велено, а велено питаться мирским подаянием... имать лопатошное... с малого молотья имать с мешка по лопатке, а с большого с четверопудной чети по лопатке ж для пропитания себе лопатошное и чтоб всяких чинов людем было не в тягость и от молотья неотгонно».

Но поскольку Афоня сам мешки шил и сам лопатки делал, то мешки, судя по всему, стали поменее, а лопатки — поболее, и вскоре вернули Афоне государево жалованье, а «лопатошное» отменили, так как это стало для людишек «отгонно», то есть молоть зерно на государеву мельницу ехать не хотели.

Еще сегодня видны остатки запруды и плотины на малой речке Кае, близ старинного села Мельниково, и, глядя на по-росшую ивняком, почти омертвленную современной индустрией речушку, с трудом, но все-таки представляешь, как на водянном колесе стоявшей здесь некогда мельницы катила во времени непростая политика обретения и освоения новых землиц как вокруг Байкала, так и далеко за ним.

ЛИТЕРАТУРА

1. Первое столетие Иркутск / Изд. В. Сукачев. — СПб., 1902.

НАРОДНАЯ ИГРУШКА У СЕМЕЙСКИХ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Татьяна Николаевна Гусейнова,
кандидат исторических наук,
старший преподаватель
Восточно-Сибирской
государственной академии
культуры и искусств (ВСГАКИ),
г. Улан-Удэ

Народное искусство — сложное и многогранное явление культуры, в котором мастерство и опыт передавались буквально из рук в руки, от отца к сыну, от матери к дочерям. Из поколения в поколение отбирались и совершенствовались удачи и находки одних, выдумки и новшества других. Время отбрасывало все случайное и несовершенное.

Как правило, народные мастера создавали вещи для себя и ограниченного круга односельчан. Использовали их в крестьянской семье и хозяйстве. Так делались многие предметы деревянной утвари, орудия труда, игрушки, ткани, вышивки. Мастер вкладывал в изделие всю свою любовь и талант. Изделия народного искусства наивны, но искренни и простодушны.

Крестьянское искусство развивалось в русле традиций, обусловленных устойчивым, размеренным укладом народной жизни, который во многом определил особенности его формы и содержания. Каждый предмет обретал форму, удобную и наиболее целесообразную для его прямого назначения.

«Не то дорого, что красно золото, а то, что доброго мастерства». Так определил сам народ одну из важных черт своего искусства. Народу не были доступны дорогие материалы. Он использовал только те материалы, которые давала ему природа. Это дерево, глина, кость, железо, лен, шерсть.

В народе говорят, что человек должен посадить дерево, построить дом и вырастить ребенка. Самая сложная из перечисленных задач, по нашему мнению, это воспитать ребенка. Во-первых, эта задача рассчитана на много лет. А во-вторых, сам воспитатель должен быть мудрым и терпеливым.

В воспитании детей никогда не бывает мелочей. Все имеет свое определенное значение, все оказывает влияние на формирование личности ребенка и на развитие его кругозора. В этом важном ряду явлений и правил детская игрушка не исключение. Она наполнена глубоким смыслом. Она помогает ребенку познавать окружающий мир, учит его выполнять обычные взрослые работы, фантазировать и мечтать. По своему происхождению игрушка глубоко народна. Она возникла в глубинах народного сознания, в недрах народного бытия. Она всегда легко вписывалась в жизненный уклад простого народа и сопутствовала наименее важным моментам его жизни.

Народная игрушка привлекала внимание своей простотой, а вместе с тем своим изяществом, не было в ней ничего лишнего. Она всегда была проста и незамысловата, и приемы ее изготовления были легко усваиваемы даже детьми. Она занимала важное место среди средств воспитания. Ее никак нельзя отделить от общего культурного строя народа. Характерно, что у крестьянских детей никогда не было много игрушек. Игрушки были крайне просты, а порою и невыразительны. Большинство из них были самодельные. Ребенок сам силой своего воображения и фантазии наполнял игрушку тем или иным духовным содержанием. Игрушки всегда соответствовали возрасту ребенка. Они воспитывали, обучали и развивали. Игрушки копировали вещи и предметы взрослой жизни, а дети копировали и воспроизвели в своей игре основные обычаи, обряды и ритуалы, которые наблюдали в жизни взрослых.

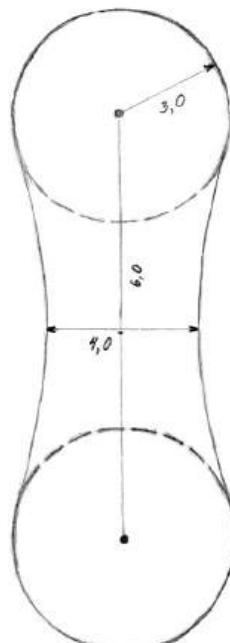

Рис. 1 а. Выкройка
деталей
для изготовления
мячика

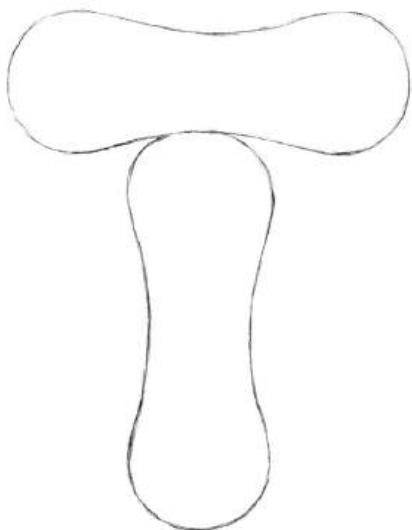

Рис. 1 б. Схема соединения деталей мячика

которые мы, взрослые, преподали им своим поведением. В игру ребенок переносит и окружающие его предметы быта. Но это игра, поэтому предметы быта по своим размерам небольшие. Это и есть игрушки, о которых мы уже говорили.

Ассортимент игрушек повсеместно был примерно одинаков. Игрушки сменяли друг друга в зависимости от возраста ребенка, приобщали его к повседневному деревенскому труду, развлекали. В игре с куклой девочки непроизвольно учились шить, вышивать, постигать традиционное искусство одевания.

Самодельная игрушка не теряет своей привлекательности и значимости и в наши дни. Ее роль трудно переоценить. Создавая игрушку своими руками, ребенок, как уже отмечалось, дает волю своей фантазии, учится работать с различными инструментами, его пальцы приобретают навык в мелких операциях. Творчество ребенка, связанное с изготовлением самодельной игрушки, развивает интеллект, ускоряет умственное развитие. Игрушка служит важнейшим средством связи поколений.

А игрушка-самоделка, изготовленная самим ребенком, бывает, как правило, самой любимой, самой красивой и

ребенка никогда не воспитывали демонстративно, назидательно, используя для этого длительную беседу. Все происходило исподволь, ненавязчиво, без какого-либо насилия со стороны воспитателя, родителя. Главным в процессе воспитания был собственный пример взрослого, когда его действие или бездействие оказывает гораздо большее воспитательное воздействие, чем слова.

Мы часто наблюдаем, как дети копируют в игре взрослую жизнь. Они проигрывают все те ситуации, которые увидели, свидетелями которых стали. Они проигрывают все те жизненные уроки,

дорогой для него. Работая над игрушкой, ребенок всегда фантазирует, вносит в процесс творчества свое видение конечного результата работы, он творит, проявляет в творчестве свое «я». Вот что пишет по этому поводу А.В. Ефимова в предисловии к своей книге «Работа с мягкой игрушкой в начальных классах»: «Я знала девочку, у которой было много красивых игрушек. Но самой любимой из них была тряпичная кукла Тата, которую девочка смастерила сама. Голова у Таты — шарик, сделанный из розового трикотажа, вместо носа пуговка, глазки из черных бусинок, а волосы, аккуратно заплетенные в косы, из желтых шерстяных ниток. Девочка очень любила свою куклу, шила для нее платья, гуляла с ней, разговаривала, укладывала спать. Другие, нарядные настоящие куклы в красивых платьях, с локонами и длинными ресницами, чинно сидевшие на диване, казалось, с завистью смотрели на эту любимую и такую счастливую золушку-замарашку. Почему же так дорога была девочке Тата? Потому что, создавая игрушку, девочка вложила в нее частицу своего „я“, как бы вдохнула в куклу жизнь» (2, с. 4).

Здесь важно то, что народная игрушка — это всегда самоделка. В ее изготовлении могут участвовать представители как старшего поколения, так и среднего и младшего. В разных регионах страны изготавливали примерно одинаковые игрушки, но было в них непременно и что-то свое, своественное определенной местности.

Наиболее распространенными материалами для изготовления игрушки были дерево и глина. Это материалы, которые всегда под рукой. Кроме того, они обладают своими особыми

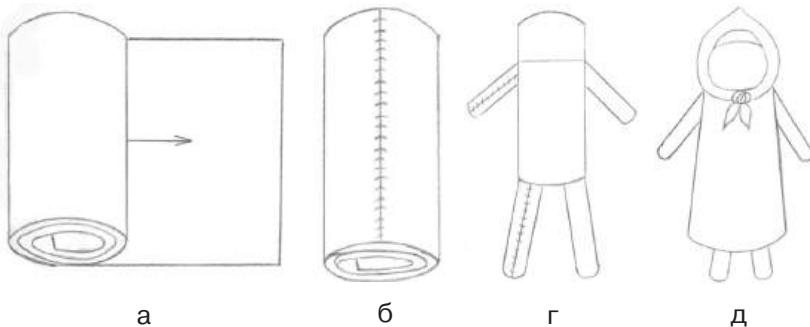

Рис. 2 а, б, г, д. Схема изготовления основных деталей и сборки куклы А.В. Ефимовой, ее общий вид

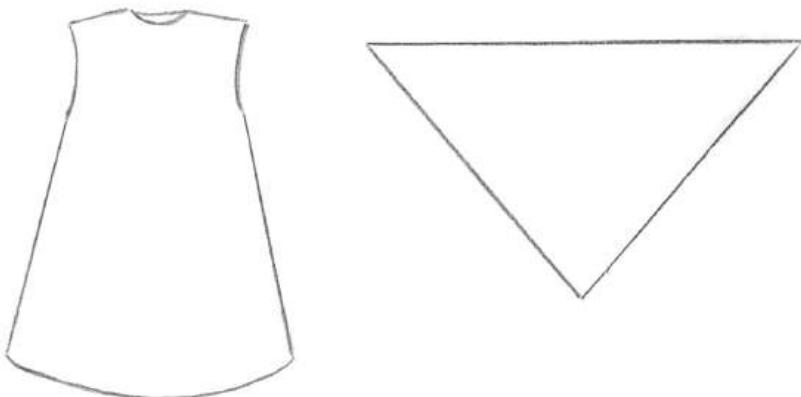

Рис. 2 в. Схема выкройки сарафана и платка для куклы А.В. Ефимовой

качествами и свойствами: легко доступны, пластичны, хорошо поддаются обработке.

Главное в народной игрушке — умение сочетать выразительную форму с цветом и фактурой материала. Так, например, в игрушках из неокрашенного дерева мастер старается показать его естественную красоту, близость к природе. Мастера-игрущечники тонко чувствовали и разнообразно использовали богатые пластические возможности, благородный цвет, выразительную текстуру дерева. Деревянная игрушка красива и декоративна.

В русской деревянной игрушке сложился свой особый круг традиционных образов, тем и сюжетов. Народная игрушка как сказка — все так, да не так. Это целая область народного творчества, впитавшая ценнейшие традиции искусства резьбы и росписи по дереву. Это и забава, и одновременно бытовая скульптура, создаваемая по законам пластического искусства.

Создавая игрушку, народный мастер выражает в ней свои этические и эстетические идеалы. Содержание и форма деревянной игрушки активно воздействуют на чувства и воображение ребенка. Она вызывает радость, сочувствие, сопереживание, воспитывает положительными примерами. Содержание народной игрушки всегда было тесно связано с жизнью, природой и трудовой деятельностью. Народный мастер в совершенстве владеет богатым языком декоративного искусства и использует его в русской деревянной

игрушке. Ее отличают выразительные силуэты и формы, разнообразные ритмы, яркие контрасты, гармоничные пропорции.

Точеные, резные и расписные звери и птицы, люди очень обаятельны. Народный умелец выделяет в игрушке лишь самое главное, характерное и типичное. Часто всего одной меткой деталью мастеру удается выразить характер персонажа, оживить образ.

В краях, богатых лесом, производство игрушек сопутствовало ремеслу плотников. На Русском Севере, в Нижегородской губернии и в Подмосковье каждый крестьянин хорошо владел топором, мог сам и дом срубить, и украсить его резьбой, и наполнить разнообразной домашней утварью, а игрушки он создавал между делом, забавы ради. Полено, чурка, щепка, дощечка или корешок — вот с чего начинали мастерить игрушку.

Северные типы игрушек связаны с наиболее древними традиционными формами народной пластики. На Русском Севере, в Поморье любили делать куклу «панка» — обрубок дерева, окружлый или граненый, в котором топором обобщенно намечены голова с плоской лицевой частью, торс и широкая юбка. Руки или плотно прижаты к телу, или их нет. Черты лица предельно схематичны. Иногда резчик обозначает еще округлость груди или косу. Он заботится о пропорциональности частей и выразительности целого, поэтому даже небольшие фигурки выглядят основательно, монументально и торжественно. Кукла может быть украшена рядами выжженных кружков, вырезанных косых крестов, квадратами и ромбами. Стилистически эти игрушки близки северным деревянным идолам и новгородской средневековой скульптуре.

Среди северных плотницких игрушек выделяются разнообразные коники.

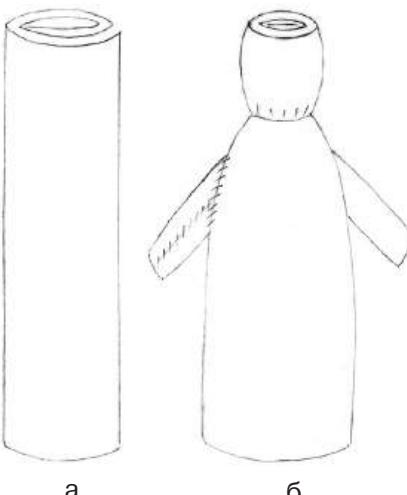

Рис. 3 а, б. Схема изготовления куклы В.К. Бурлаковой

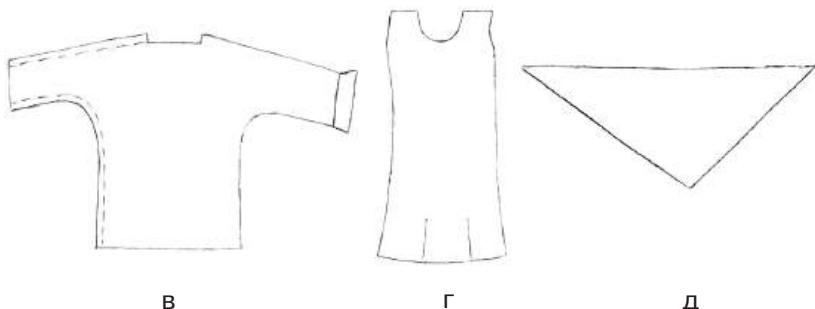

Рис. 3 в, г, д. Схема выкройки сарафана, кофты и платка для куклы В.К. Бурлаковой

Обобщенная монументальная форма, круто изогнутая шея, соединенные попарно ноги — их отличительные черты. Наиболее выразительно они выглядят в профиль, поэтому чрезвычайно возрастает роль силуэта. Коники, как и панки, украшались рядами выжженных кружков, иногда их окрашивали в темно-красный цвет — символ огня, тепла и солнца. Кроме этого делали еще и всадников, различные упряжки и тройки, коней-каталок. Главный принцип пластического решения этих игрушек — угловатая манера обработки объема. В этой игрушке гармонично соединились древняя символичность образа коня и его реальная основа, художественно преобразованная.

Русский Север не является единственным центром изготовления русской деревянной игрушки. Везде, где лес был в достатке, где русский мужик мог держать в руках топор и нож, бытовали резьба и роспись по дереву и, в частности, изготовление деревянной игрушки. Среди таких центров можно назвать Нижегородский край. Здесь изготавливали так называемую нижегородскую топорщину. Она очень разнообразна по форме и содержанию. Наиболее известны игрушки из села Пуреха, города Городца, деревни Федосеево Семеновского района. Для топорнощепной игрушки из деревни Федосеево характерен ящичный стиль, так как кукольная мебель, пароходы, паровозы, сани, повозки, балалайки, мельницы и карусели сколочены из тесаных дощечек и лучинок.

А полхов-майданская игрушка характеризуется яркой многоцветной росписью. Это погремушки, копилки, грибочки, птички-свистульки, каталки на палочке, пистолеты-хлопушки.

Все эти веселые, яркие игрушки народ любовно назвал «татарушками».

Интересные сюжетные игрушки резали мастера Сергиева Посада, что под Москвой, и в селе Богородском все той же Московской области. Здесь в ассортименте игрушек можно встретить деревянных резных гусаров, барынь, кормилиц, щелкунов, карусели, различных матрешек и многочисленных домашних животных и птиц: коров, коней, овец, козлов, собак, кошек, кур, петухов, уток и т. д.

Не менее интересна и керамическая игрушка. Основными центрами ее производства являются слобода Дымково, что недалеко от Вятки, город Каргополь на Русском Севере, деревня Филимоново Тульской области. Народные мастера создали целую галерею ярких и запоминающихся образов в глиняной игрушке. Веселый игрушечный народец отличается яркими красками. Барыни и кавалеры щегляют своими нарядами, индюки и петухи пышными хвостами напоминают сказочные букеты, кормилицы хвастиают богатым семейством. В дымковской игрушке радуют пышность форм, буйство цвета и жизнерадостная фантазия. А в каргопольской игрушке самый яркий и запоминающийся персонаж — это знаменитый Полкан. Он полуконь-получеловек и наделен большой силой. Его непременно изображают в шляпе и подбоченившимся левой рукой. Тематика каргопольской игрушки также разнообразна: тут можно увидеть барыню, охотника, бородатого гармониста, танцовщую пару, собаку с птицей на спине, волка, несущего овцу, утушку, козла и многое другое.

Характерными чертами филимоновской игрушки являются форма (вертикально сильно вытянутая вверх), маленькая голова на длинной шее, гибкое тело, ноги-подставки и хвост-свисток. Искренность и непосредственность, чувство живого есть в каждой вещи, независимо от того, большая она или маленькая. Все пронизано красотой.

Народная игрушка в Забайкалье

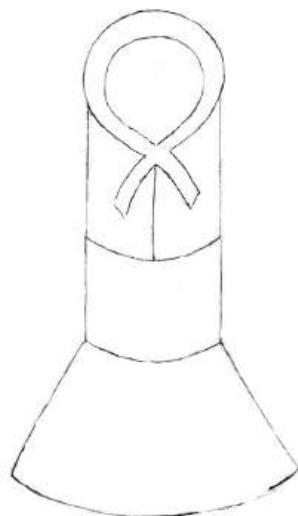

Рис. 4. Общий вид куклы А.Ф. Хромых

также имеет свою историю. В ней отражены закономерности развития искусства игрушки, его природа и специфика. Проследим этот путь развития на основе материалов фольклорных экспедиций студентов ВСГАКИ по районам Республики Бурятия. Специальной литературы по данному вопросу практически нет.

Для изготовления игрушек брали материал, который всегда под рукой: дерево, берёста, кусочки ткани, шерсть, кожу и т. п.

Так, на выставке в Музее истории Бурятии имени М.Н. Хангалова была представлена погремушка, изготовленная из берёсты (датируется 1904 г.). Это куб (размером примерно 7 x 7 см), внутри которого могли находиться либо камешки, либо горошины, издающие при потряхивании мягкий звук. Можно предположить, что впервые такую погремушку изготовил мастер, занимавшийся производством туесов и другой домашней утвари из берёсты. Игрушка понравилась, и ее стали делать для детей. У этой игрушки ярко выражена обереговая функция: шум игрушки должен был отгонять от ребенка злые силы.

Для детей постарше изготавливали всевозможные мячи, «зоски». Мячи либо скатывались из овечьей шерсти, либо шились из ткани, кожи и наполнялись кусочками ткани, шерсти или перьями. Один из вариантов изготовления мячика рассказал Михаил Матвеевич Горбов из села Тресково Кабанского района.

Технология изготовления мячика следующая:

1. Вырезать по указанным размерам две одинаковые детали (траfareты и схема прилагаются, рис. 1 а, 1 б).

2. Из шерстяной плотной ткани вырезать две заготовки по трафарету.

3. Наложить конец одной заготовки на середину другой в виде буквы «Т» (рис. 1 б) и начинать сшивать в одну сторону. Нитки должны быть толстыми, а стежки — маленькими и частыми.

4. Набивать мячик лучше всего шерстью, перьями, старыми шерстяными тряпками. Набивать надо плотнее и равномернее, чтобы не было комков.

5. Зашить мячик до конца, а для большей крепости готовый мячик можно еще раз прошить.

Подобно мячу для набивания ногой очков использовали зоску. Кто больше набил очков, то есть большее количество

**Мячики и зоски. Реконструкция игрушек выполнена студентами фольклорного отделения ВСГАКИ.
Фото М. Власова, 2005 г.**

во раз ударили ногой по зоске, не роняя ее на землю, тот и выиграл. Об изготовлении этой несложной игрушки-забавы сведения получены от Степаниды Авдеевны Павловой, уроженки села Большой Куналей. Зоску делали старшие братья, отцы. В сосновом или березовом бруске выбивали дырочку величиной с пятак, только потолще. Это была форма для будущей зоски. В середину вбивали гвоздь, затем в эту форму заливали расплавленное олово. Получалась основа, похожая на пятак с дырочкой в центре. Пучок жестких волос, взятых с конского хвоста, просовывали в дырочку очень туго. Затем с одной стороны концы волос обрезали под корень, а с другой оставляли на 4–5 см. Зоска была готова. На ночь, после игры, ее клали под ножку стула или стола волосом вниз.

Наиболее часто можно было встретить различные варианты тряпичной куклы. Возможно, это объясняется тем, что всегда были под рукой кусочки ткани, из которой женщины делали для своих детей эти незамысловатые игрушки. А становясь постарше, девочки начинали сами шить кукол для себя и для своих младших сестер. Может быть, причина этого кроется еще и в том, что кукла издавна связана с культом плодородия и материнского начала. Эта связь восходит к древним представлениям о женщине-прародительнице. И куклы очень давно передаются по наследству от матери к дочери, сохра-

няются до замужества, и круг повторяется вновь... Вероятно, наиболее традиционные способы изготовления тряпичных кукол сохранились у замкнутых этнических групп населения, как, например, у семейских Забайкалья, которые длительное время проживали обособленно, практически почти не вступая в тесные контакты с местным инородческим и старожильческим русским населением.

Рассмотрим несколько вариантов изготовления тряпичной куклы у семейских Забайкалья.

Об одном из вариантов изготовления тряпичной куклы рассказала Августа Вавиловна Ефимова, 1936 года рождения, уроженка села Кордон Тарбагатайского района, русская, семейская. «Все куклы изготавливались тряпичными из разного материала, в основном из лоскутков ненужной ткани. Чтобы кукла не гнулась в разные стороны, применялся в основном плотный материал. Кукла состояла из туловища, рук и ног. Все эти части изготавливались из прямоугольных кусков ткани, которые скручивались в рулоны и шивались (рис. 2 а, б). Для туловища делался большой рулон, для ножек — маленькие.

*Кукла. Реконструкция
Е.А. Белых. Одежда куклы —
творческая фантазия автора
с учетом традиций
семейской одежды.
Фото М. Власова, 2005 г.*

Затем к туловищу пришивали ручки, чуть ниже положенного места, оставляя его для головки, и к низу пришивались ножки (рис. 2 г). Из легкого материала шили платьице, сарафанчик (рис. 2 в). Кукла была готова (рис. 2 д), оставалось только нарисовать на головке глазки, носик и ротик, повязать платок».

А вот каких кукол изготавливалась для себя Варвара Кирилловна Бурлакова, 1920 года рождения, уроженка села Тресково, русская из сибиряков. Она рассказы-

вает: «Куклы нам шили бабушки или матери, а когда подрастали, шили сами. Куклы мы шили из разных тканей, какие могли достать. Конечно, мы шили из лоскутков. Кукла изготавливалась так: брали кусок ткани и сворачивали ее трубочкой, чтобы она была средней толщины (рис. 3 а), и два аналогичных рулончика для ручек. Ткань брали белую или светлую, чтобы на ней можно было нарисовать лицо. Затем ниткой отделяли голову от туловища (рис. 3 б), то есть перевязывали третью или четвертую часть туловища, а на предполагаемом уровне плеч пришивали руки. Потом шили рубаху-„вырезнушку“, то есть вырезали из ткани рубаху

и сшивали по рукавам и бокам с правой (лицевой) стороны (рис. 3 в). Затем шили сарафан — „вырезной“, и сшивали его по бокам (рис. 3 г). Самым главным был платок, потому что он был модным. Его вырезали треугольником (рис. 3 д). Потом шили запон, то есть фартук. Он был тоже очень модным. Готовые вещи надевали на куклу. Когда она была готова, ей давали имя и начинали играть». Куклу Варваре Кирилловне в детстве шила ее бабушка, Анна Васильевна Дорохова, 1863 года рождения.

Интересный вариант изготовления кукол был записан от Агафьи Филипповны Хромых, 1922 года рождения, уроженки села Надеено, русской из семейских. «Куклы шили сами. Брали небольшой кусочек материи, по одной стороне на всю длину подгибли на 2–3 см (рис. 2 а). После этого полоску скручивали в валик. Более толстый конец валика — голова. С обратной стороны этот конец пришивали несколькими

Реконструкция куклы по описанию

А.Ф. Хромых. Выполнена

Е.А. Белых.

Фото М. Власова, 2005 г.

стежками (рис. 2 б). Так же начинала делать свою куклу и А.В. Ефимова. Затем шили сарафан. Прямоугольный кусочек ткани слаживали пополам и „стягивали“ по одному краю. После этого вверху по всей длине прошивали и нитку затягивали, получалась пышистая юбочка — это сарафан.

Затем брали небольшой кусочек ткани, примерно такой, чтобы чуть-чуть не доходил до конца сарафана. Это будет запон. Кусочек материи присбарьивают для пышности и пришивают к сарафану. Далее берут небольшую прямоугольную полоску ткани и пришивают в том месте, где должна быть рубаха. Потом делают платок, вырезают его из ткани треугольником. Такую куклу называли „девкой“ (рис. 4).

Если же на голову куклы надевали кичку, ее называли „молодухой“. Делается кичка следующим образом. Берется прямоугольная полоска ткани, в середине завязывается узел. Теперь она повязывается на голову кукле. Концы полоски висят внизу. На плечи кукле можно вырезать из кусочка ткани платок. После того, как куклу сошьют, ей рисовали лицо (глазки, ротик, носик, брови). Лицо рисовали карандашом».

Анализ данного полевого материала показывает, что тряпичная кукла действительно была у семейских Забайкалья достаточно распространенной игрушкой. В деревнях и селах существовали свои семейные традиции изготовления кукол.

Кукла отличалась по костюму, способу изготовления туловища, в ней мог отражаться социальный и половозрастной статус игрушки (девка, молодуха и т. д.). Как отмечают все информаторы, кукол они шили сами из остатков тканей, из ненужных лоскутков.

Кроме кукол существ-

*Кукла. Реконструкция
Е.А. Белых. Одежда куклы —
творческая фантазия автора
с учетом традиций
семейской одежды.
Фото М. Власова, 2005 г.*

вовали и другие варианты тряпичной игрушки, например «кошка». Интересно, что эта игрушка изготавливалась из куска ткани по принципу бумажной японской игрушки оригами. Вот как рассказывает об изготовлении кошки Елена Ивановна Родионова, 1926 года рождения, из села Куйтуна Тарбагатайского района (Республика Бурятия), русская, семейская: «Берем платок или другой кусок ткани. Размеры ткани зависят от величины игрушки. Вначале складываем платок пополам, угол на угол. Затем к середине складываем два конца. Затем скручиваем в трубочку. Концы трубочки вновь складываются к центру. Затем кончик накладывается, и начинают выворачивать вовнутрь.

Выворачивают до тех пор, пока не выпадут два конца с двух сторон. Один кончик — хвостик, а второй — это будет головка с ушками. Для этого кончик от конца начинают заворачивать в трубочку. Завернутую трубочку завязывают узелком и кончики расправляют в виде ушек».

Здесь приведен, конечно, далеко не полный перечень игрушек, которые изготавливались в Забайкалье. Но можно сделать вывод, что все игрушки делались для детей в семье, а вот какого-то конкретного центра по изготовлению игрушки в Забайкалье не известно. Ни один из названных информаторов не упомянул ни о деревянных, ни о глиняных игрушках. Как видно из приведенных выше описаний, использовались в основном ткани, то есть куклы были из текстиля. Возникает вопрос: были ли деревянные и глиняные игрушки у семейских? Этот вопрос ждет своих исследователей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архив лаборатории этнографии и фольклора ВСГАКИ. Папки ЭК 1994, Г 010; ЭК 1994, Л 012; ЭФ 1995, М 005; ЭК 1995, П 009.
2. Ефимова А.В. Работа с мягкой игрушкой в начальных классах: Из опыта работы. — М.: Просвещение, 1978.
3. Сокольникова Н.М. Изобразительное искусство и методика его преподавания в начальной школе: Учебное пособие для студентов пед. вузов. — М., 1999.
4. Хадсон К. Влияние музеи. — Новосибирск, 2001.

НА СКОРУЮ РУКУ

Любовь Сергеевна Дмитриева

Михаил Николаевич Моролёв

Светлана Васильевна Мицтофутдинова

творческая мастерская «Берестень»,
г. Иркутск

Одним из направлений в работе с берёстой является изготовление функциональных изделий в природных условиях (на скорую руку), когда возникает в них необходимость, например в походах, на охоте, рыбалке, при поездке в лес за ягодами или грибами и т. д. В указанных условиях нет специального оборудования и стационарного обустроенного рабочего места, но для них характерна подходящая обстановка для творчества и проявления в рукоделии такого рода изобретательской смекалки.

Проведенные нами исследования по сбору, анализу и реализации в материале берестяных изделий позволяют (не претендуя на исчерпывающую полноту) их классифицировать, изложить авторские наблюдения и дать некоторые рекомендации.

В данной статье приведены конструктивные особенности наиболее простых изделий, изготовленных из пластовой берёсты и имеющих прямоугольную или коническую форму, и технологические приемы их изготовления при использовании только одного инструмента — ножа с заостренным концом.

Изделия, о которых идет речь, следующие: короб (коробица), корзинка (кузовок, набируха), используемые для грибов,

ягод, рыбы, орехов и других продуктов; кружка; стакан; миска; ложка; черпак (поварешка).

Основным материалом для изготовления таких изделий является берёста, в качестве вспомогательного используются прут ивы, рябины, черемухи, тонкий корень сосны и т. д.

Берёста — наружная часть коры березы, состоящая из отделяемых друг от друга тонких полупрозрачных слоев. Внешние слои обычно окрашены в белый цвет, а внутренний (лицевой) может быть желтым, охристым, коричневым или желто-зеленым.

Благодаря замечательным свойствам: прочности, гибкости, устойчивости к гниению, пластичности, малой плотности, гидро- и термоизоляционности, а главное — доступности и простоте обработки — берёста еще издавна считалась прекрасным и универсальным материалом для изготовления самых разнообразных предметов домашнего обихода.

Важно различать **лицевую сторону** берёсты и ее **долевое направление**. Лицевой считается внутренняя сторона, а долевое направление совпадает с продольным направлением характерных черточек (чечевичек) на берёсте, через которые она «дышит». Рекомендуется берёсту снимать с берез диаметром 15–20 см.

Снятие берёсты пластом осуществляется следующим образом: отметив нужную высоту пласта, делают острым ножом горизонтальные надрезы по окружности ствола. Затем по линии наименьшего ската соединяют горизонтальные надрезы вертикальным. По линии надреза берёста с треском начнет отрываться от ствола. Если этого не случится, то берёста уже присохла. Тогда осторожно отделяют берёсту от ствола деревянным ножом, который можно изготовить здесь же из подходящего материала.

Подготовка берёсты к работе заключается в шелушении ее внешней стороны вдоль волокон, удалении наростов, расслоении до требуемой толщины, обмере, выкраивании элементов изделий. Для изделий берёсту следует использо-

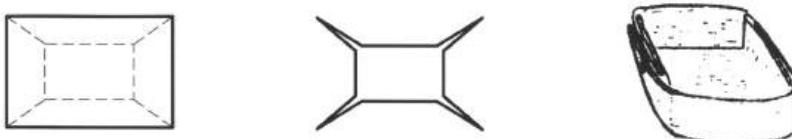

Рис. 1. Последовательность изготовления коробицы

Рис. 2. Последовательность изготовления ложки, черпака

вать гладкую, ровную, без пороков и дефектов, чечевички на которой не должны быть круглыми.

Конструктивные элементы простейших изделий из берёсты таковы:

- стенки (бортчики) одинарные либо двойные (внутренние и внешние лицевой стороной берёсты наружу);
- донья цельнокроеные;
- ручки берестяные или деревянные;
- пояски (ободки, полоски, обручи) для придания изделию прочности и выразительности его формы;
- подкладочные полоски из берёсты или лозы;
- швы (через край, контурные), для прошивки используются полоски из берёсты, корень можжевельника, ветки рябины и т. д.

Конструктивными элементами изделий прямоугольной формы (коробица, миска, стакан) являются цельнокроеные дно и стенки (рис. 1), варьируя размеры этих элементов и их соотношение, на единой технологической основе можно изготовить предметы различной вместимости и соответственно различного назначения.

Рис. 3. Способы крепления стенок коробицы

Коробица может служить миской, глубокая коробица с небольшим дном — кружкой. Рекомендуемые размеры пласти для миски — 20 x 20 см, высота стенок — 4 см, вместимость такой миски составит 0,5 литра. Для изготовления стакана вместимостью 0,3 литра подойдет пласт размером 24 x 24 см, высота стакана при этом составит 9 см, а размеры дна — 6 x 6 см.

Кружку — куб вместимостью 0,7 литра, можно изготовить из пласти размером 27 x 27 см, высота стенок составит 9 см, а размеры дна — 9 x 9 см.

Коробица внушительных размеров (уже короб) послужит для хранения рыбы и других продуктов. Снабдив коробицу ручкой, получим корзину (корзиночку). Изображенная на фото корзинка сработана из берестяного пласти размером 30 x 37 см, высота стенок составляет 9 см, вместимость такой корзинки — 2 литра.

Указанные изделия изготовлены из пласти берёсты прямогоугольной или квадратной формы. Отметим, что назначение предмета диктует выбор материала (размеры пласти берёсты и его толщину) и технологические особенности его изготовления (рис. 3). Так, кружка может быть снабжена деревянной дугообразной горизонтальной ручкой, а корзинка — берестяной двойной вертикальной. Прочность корзинки обеспечивается расположенным по дну и стенкам крест

*Берестяная коробица.
Фото С. Мифтофутдиновой, 2005 г.*

Коробица-стакан.
Фото С. Мифтофутдиновой, 2005 г.

накрест полосами берёсты и черенками лозы, закрепленными по продольным стенкам стебельчатым швом.

Конструктивными элементами таких изделий, как ложка (орудие для хлебания, хлебалка, швырка, едалка) и большая разливная ложка (уполовник, чумичка, черпалка, суповая разливательная ложка, одноручный сосудец для черпания жидкостей, ковш), являются туло́во — основная деталь конусной формы из круглого берестяного пласта, и деревянная ручка, выструганная из лозы или иного прута соответствующей длины и диаметра (рис. 2).

В общем случае последовательность технологических операций включает: проектирование — продумывание изделия (определение его назначения, размеров, деталей, последовательности изготовления, технологических особенностей), заготовку материала, его разметку, крой, монтаж (скрепление деталей).

Рекомендуется в качестве вспомогательного инструмента для временного скрепления деталей изготовить прищепки — черенки длиной 7–10 см и диаметром 1–2 см (в зависимости от размеров изготавливаемого изделия), расщепленные вдоль на нужную глубину (приблизительно 3–4 см).

Обращаем внимание на следующие технологические особенности. При изготовлении предметов из квадратного или прямоугольного полотна, наметив на лицевой стороне пласта

размеры дна, совмещают смежные кромки (по углам пласта) предполагаемых стенок, проглаживая пальцами линию сгиба. В результате образуются стенки изделия и на углах — детали в виде двойных (совмещенных друг с другом) треугольников. Эти треугольники прижимают попарно навстречу друг другу к тем стенкам, на которых чечевички расположены перпендикулярно кромке стенки. Выбор именно этих стенок предотвратит разрыв их кромок. Прочность других стенок обеспечивается прочностью берёсты в долевом направлении. Для крепления треугольников к стенкам и придания жесткости изделию используют обрезанные на укос на концах черенки, которые налагаются на эти детали и прошивают насеквоздь стебельчатым швом берестяной полоской или другим подходящим материалом. При необходимости на скорую руку треугольники к стенкам можно прикрепить прищепками, описанными выше.

Заготовкой для изготовления ложек служит кусок берёсты круглой формы, размер которого соответствует ее назначению (хлебалка или черпак). Величина сектора (рис. 2) определяет крутизну стенок и вместимость тулова будущего изделия. В любом случае это должна быть удобная в использовании вещь. Определившись с размерами сектора, точки А и В совмещают, получающуюся линию сгиба до центра О проглаживают пальцами и полученную деталь прижимают к образовавшемуся конусу, в результате чего в этом месте об-

*Корзинка. Фото
С. Мифтофутдиновой, 2005 г.*

Берестяные ложки.
Фото С. Мифтофутдиновой, 2005 г.

разуется утолщение в три слоя берёсты. Ручку подходящего размера в торце расщепляют и вставляют место утолщения конуса в этот расщеп. Для большей прочности ручку к тулому крепят, прошивая берестяной полоской.

Достоинствами рассмотренных изделий являются их технологичность и функциональность, они удобны в эксплуатации, а благодаря свойствам берёсты экологически чисты, достаточно прочны, легки, обладают термо- и гидроизоляционностью, бактерицидностью.

ЛИТЕРАТУРА

Барадулин В.А. Сельскому учителю о природных промыслах. — М., 1979.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. — Т. 2: И — О. — М., 1994.

Дмитриева Л.С., Моролёв М.Н. Десять уроков от «Берестяня». — Иркутск, 2002.

Федотов Г.Я. Забытые ремесла. — М., 1992.

«СТАРАТЕЛЬ» — ЗНАЧИТ «СТАРАТЬСЯ»

Геннадий Феодосьевич Уфимцев,
доктор геолого-минералогических наук,
заведующий кабинетом неотектоники
и геоморфологии
Института земной коры, г. Иркутск

Русское освоение Сибири шло чередующимися волнами: вольными и направляемыми властями. Сначала за пушниной, мягкой рухлядью, шли казаки и землепроходцы, затем, в петровские времена, наступил черед организации горного дела и металлургии на Алтае и в Забайкалье. После в Сибирь хлынули люди в погоне за золотом, и эту волну ее освоения вновь сменили организованная индустриализация и развитие добычи нефти и газа.

В золотой эпохе Сибири важную роль сыграли старатели — вольные поисковики и добытчики золота, работавшие в одиночку или небольшими сплоченными коллективами, что имело особое значение для жизни и работы в отдаленных районах при минимальной поддержке со стороны государства или крупных горнодобывающих предприятий. Здесь все было рассчитано на собственные силы, умение... и на фарт. Было такое ранее распространенное слово — фарт. Неожиданный, можно сказать, мгновенный успех в деле, якобы привалившее счастье. Мы знаем о быте и трудах старателей по «Угрюм-реке» В. Шишкова и «Фарту» А. Коптяевой, это уже художественные образы. Но и в этих книгах ясно чувствуется, что за неожиданно привалившим фартом за редкими исключениями стояли лишения и тяжелая работа. Сколько же надо было перелопатить, промыть золотоносного речника, чтобы пришел этот самый фарт! Я помню буквально изрытые старателями днища долин на Алдане и в Забайкалье, по которым потом пошли золотодобывающие драги.

Надо думать, что старательство и ему подобные дела всегда были по душе русскому человеку: крепко поработав до полной самоотдачи, заработал, вышел из тайги и оторвался по полной... Это не дурная погоня за счастьем, это яркое выражение приспособленности русских к сезонному

Приисковый барак. Восточное Забайкалье, 1940-е гг.

существованию в условиях достаточно сурового климата: в благоприятное время года напряженным трудом обеспечить себе и семье жизнь на весь год. Отсюда и несколько ироничное, бахвальное понимание фарта. Заработал, живу и жду, когда снова пригреет солнышко.

О настоящих старателях, добывающих золото в одиночку или малыми артелями, а нередко семьями, у меня остались детские воспоминания, рассказы отца, сохранились и старые фотографии. Это Восточное Забайкалье, это послевоенные годы, закат вольного старательства перед его запретом в 1948 году, когда, помню, наша трестовская котельная пожирала в огне связки «золотых» купонов, на которые вольно добытое золото обменивали на товары в специальных магазинах-золотоскупках. Колоритные были эти учреждения! Даже в войну в них можно было приобрести все. И швейцарские часы... Помню золотоскупку в Могоче, в Забайкалье: побеленное снаружи одноэтажное солидное здание с высоким крыльцом. Слева бюст Сталина, справа бюст С. Орджоникидзе. Вот вышел из тайги старатель, весь, можно сказать, в лохмотьях, заросший. Первый ход в золотоскупку — и к вечеру он уже обут в хромовые и в гармошку собранные в голенищах сапоги, в кожанке, под которой была предпочтительнее тельняшка, а то и ничего, и в необъятные черного плиса шаровары. У иных они мели дорогу. Первый парень на прииске! Хватало этого счастья и фарса разным по-всякому, иным и меньше чем на сутки...

Но за всем этим антуражем стоял тяжелый труд. Вот за забором нашего огорода старатели бьют шурфы глубиной метров в десять и более, тут же перемывают поднятую бадьями почву и, не удовлетворенные результатами, бросают работу и уходят на новое место. Рядом идет оценка русловой рос-

сыпи. Лошадь крутит круглую металлическую платформу, на которой четверо дюжих мужиков вбивают в грунт с помощью балдушки буровую трубу. Потом из нее надо выбрать грунт, промыть его и определить, где «торфа» (пустая порода), а где и «пески» (продуктивный слой), узнать содержание золота, оконтурить продуктивный пласт и начать его отработку.

Помню поездку с отцом на небольшой прииск Торопливый в верховьях долины реки Могочи по проселочной дороге, гордо именуемой Тунгирским трактом. Прииск — это ряд строений баражного типа, в которых проживают несколько семей, организованных в небольшую артель. Но есть красный уголок, квартира для приезжих — заезжий дом. На берегу реки стоит небольшой промывочный прибор — бутара, к нему подается вода с помощью деревянного акведука, сработанного старателями же.

На руднике «XI лет Октября», в верховьях реки Калар на севере Забайкалья, такие акведуки достигали высоты многоэтажного дома и представляли собой внушительные технические сооружения, по которым вода подводилась к промприборам на значительные расстояния. Если акведуков не было, вода на бутары при промывке песков подавалась с помощью черпаков на длинных ручках.

Бутара представляла собой простейший вид золотоизвлекательного прибора. Порода и вода для промывки подавались на грохоты — крупноячеистые сита, на которых порода рыхлилась и разгребалась тяпкой. Затем она попадала на наклонный лоток, устланный матом из ерниковых веток, под которым лежала суконная или холстинная полоса, где и осе-

Работа на бутаре. 1920–1930-е гг.

*Акведук на прииске
«XI лет Октября». Северное
Забайкалье, 1930-е гг.*

черпаком воду, другая работает тяпкой, чтобы разрыхлить породу на грохоте.

Особенно колоритны в работе были семейные артели, добывающие так называемое косовое золото под перекатами на реке. Обычно это была артель из двух семей. Бутара стояла на плоте. Рядом ворот, а порода подавалась черпаком-ковшом на длинной жерди с поперечными ручками. Один мужик, напрягаясь, вгоняет черпак в подрусловый галечник, второй его тянет с помощью ворота, играющего роль лебедки. Ковш поднимается, опрокидывается на грохоты бутары, женщины подают воду и разгребают речник. Так и плывет эта своеобразная микродрага с верховьев реки, останавливаясь на перекатах. На ней могут с родителями быть и дети, и тоже помогать им. Жарко, и все работают в исподнем: мужики в солдатском нижнем белье, женщины в белыхочных рубахах. И работа, надо сказать, непыльная...

Старательство — это в первую очередь тяжелый физический труд. Эффективно работать можно было лишь при умении пользоваться инструментом и иметь этот самый ин-

дели зерна тяжелых минералов и золота. Периодически проходила съемка шлиха — смеси тяжелых минералов и золота. Последнее отдавалось вручную на лотке. И надо было видеть, как играючи, с некоторым даже профессиональным пижонством работал промывальщик с лотком! Вот в черном шлихе начали появляться желтые золотинки, их все больше и больше, и наконец доводка шлиха закончена. Иногда в артелях в шлих заливалась ртуть, в которой золото растворяется. Затем ее капли собирались и пережигались на костре в сковороде. Ртуть испарялась, и на сковороде оставалась пенистая масса чистого золота.

На бутарах часто работали женщины: одна подает

струмент удобным. Кайло надо каждый вечер отянуть и закалить, лопату обрубить и сделать удобной и неотяготительной при выборке породы из шурфа. Особое внимание ручкам на инструменте. Надо подобрать березу, сушить заготовки на чердаке и с запасом, порой годами. Конечно топор. Лоток должен быть легким, удобным. И вообще инструмент должен, как говорят, лежать в руке. Старатель никогда не будет махать кайлом, как в кинофильмах; кайлом он разрыхлял грунт, подавал его на железный лист (если он есть), с которого речник удобно выбирать лопатой, наполнять бадью в шурфе либо выкидывать на поверхность. Виртуозы могли вручную, на выкид, проходить шурфы глубиной более пяти метров. И конечно, в старательских артелях незаменимыми помощниками были лошади. К бутарам и промприборам пески из шурфов и разрезов подавались на таратайках — тележках на двух колесах с опрокидывающимся коробом. Это избавляло от излишних хлопот при разгрузке. Возчики, а часто ими были женщины, управляли лошадью, всегда стоя на таратайке, — в этом можно видеть элемент профессионального шика. В таежных районах заготовка сена для лошадей часто представляла собой трудную задачу. А были и такие прииски, на которые можно было попасть по тропам только верхами, а завоз на них продуктов и снаряжения осуществлялся лишь по зимникам, по замерзшим рекам. Зимники были протяженностью в сотни километров. Мой отец, горный инженер, провел многие годы в седле в разъездах по забайкальским приискам, и помогали ему в этом еще в детстве обретенные любовь к лошадям и знание их.

Промывка на лотке. 1920–1930-е гг.

У грохотов бутары. 1920–1930-е гг.

Старики-старатели в своих воспоминаниях, мягко говоря, приукрашивали свою жизнь, завириали. Вот-де мы гуляли так гуляли! Но суточным гуляниям предшествовали многие месяцы упорного труда, а это требовало в первую очередь не физического напряжения, а ловкости и размеренности — всего того, что называется трудовыми навыками.

Настоящий старател орудовал лотком, кайлом, лопатой, как говорится, играючи и добивался эффективности в работе не теми способами, что показывают в кино. Он не вгонял кайло в грунт под обушок, не рвал его лопатой — все делалось разумно и с умением. Силы сохранялись для неизбежных авралов: прорывы грунтовых вод в шурфы, срочное крепление их стенок и т. п.

Не так уж много осталось зримых свидетельств старательской деятельности — тайга быстро поглощает все, скрывает под своим пологом. Заастают отвалы промытой породы, сгнивают зимовья и бараки, обрушаются шурфы и стенки разрезов. Но над Парамским порогом на Витиме сохранились еще остатки прискательской тропы — люди обходили при сплаве этот порог. Еще сохранились следы обустройства тропы на крутиках — видно, что использовали ее люди обстоятельный, знаяшие цену и малому комфорту. Кое-где сохранились еще руины присковых резиденций, и все это надлежит изучать, и сохранять как памятники исторической эпохи освоения Сибири людьми вольными, работающими и сообразительными.

СЛОВО НЕ ВОРОБЕЙ

*Лилия Александровна Ладик,
старший преподаватель
Иркутского государственного
педагогического университета*

Ученые-филологи подсчитали: 80 % слов в русском языке имеют церковно-славянские корни. Именно поэтому, утверждают они, имеет он ярко выраженный нравственно-оценочный характер.

«Слово не воробей: вылетит — не поймаешь» — говорит пословица.

Нравственная разборчивость русского языка особенно хорошо видна в местных говорах и метких народных прозвищах, четко различающих добродетель и порок.

Так, например, про скромного, работящего парня старики прежде говорили, что он «у людей на славе». Это значит, что добрая слава о нем быстро бежала по окрестным селам и к ней чутко прислушивались, в первую очередь невесты. За такого парня охотно шли замуж.

Народное слово по-своему величало строгих, серьезных девушек, послушных своим родителям, уважающих стариков и почитающих Божью церковь. Они умело вели большое крестьянское хозяйство, нянчили младших сестер и братьев, пряли и ткали, а в праздники заплетали на траве-мураве веселые хороводы... И когда выходили из возраста «подневестниц», называли их «словутницами».

Давно известно: метким словом можно не только обласкать человека, но и сурово наказать. Оно может пригреть, как солнышко, и, наоборот, припечатать ко лбу несмыываемое, как смола, позорное прозвище, которое, как вину своих предков перед честным миром, будут затем долгие годы носить безвинные потомки того, кому оно было адресовано... Как же дорого стоит это слово, вымолвенное умудренным стариком в одночасье — в долгой раздумчивости и нравственной взыскательности к человеку!

Точность и строгость народного языка видна в тех прозвищах, которые давались раньше в старину отдельному человеку или зачастую даже целой деревне.

На первый взгляд они кажутся жестокими. Но это только на первый взгляд...

Вспоминаю случаи, с которыми пришлось мне столкнуться в прошлом — во время фольклорных экспедиций. Лет десять подряд ездила я по сибирским деревням, записывая устные рассказы, песни, легенды. Однажды летний маршрут привел меня в старинное село, чьи богатые, сложенные из мощных бревен дома возносились на крутом берегу над сверкающей излучиной реки Лены. Жили здесь крепко и зажиточно, потому что мужчины уходили зимой в тайгу и промышляли охотой, добывая для городских модниц белку и дорогого соболя.

Удивительно красивым было это село! На краю речного обрыва темнели баньки. Через дорогу от них осанисто и дородно высились столетние, почерневшие, как бархат, избы с палисадниками, заросшими тенистой черемухой. Крыши многих домов были увенчаны старинными коньками, амбарами подпирали фигурные балясины, на каждого воротах — кованые кольца для привязи лошадей. Вдоль единственной, вытянутой по Лене улицы среди густой травы тянулся чистый, сшитый из широченных плах тротуар, на котором лежали похожие на волков охотничьи лайки, сторожко следившие умными глазами за приезжими. Среди могучих темных елей, виднеющихся вдалеке, стояла когда-то деревянная церковь, звавшая местных жителей к любви, прощению и милосердию.

Своей опрятностью, мощью богатырских, рубленных дедами домов, веселым и привольным видом это село славилось далеко окрест. Каково же было мое удивление, когда позже в соседней деревне я услышала, что хозяев его на Лене кличут «воробьями». Почему?

«Воробей-то че! Везде поспет! И свое склюет, и у соседа уташшыт, — рассмеялась на мой вопрос за чашкой чая хозяйка, у которой я записывала на редкость красивые песни. И, объясняя не совсем лестную для зажиточных соседей кличку, как бы повинилась слегка и добавила: — Народ там такой... Быковатый. Не шибко приветный...»

В скором времени собирательский азарт привел меня еще

в одну, на этот раз заброшенную и одичалую, деревеньку, жителей которой суровая на язык Лена прозывала «голиками». «Откуда же это пошло?» — допытывалась я у очередной своей певицы. Та величаво, строго ответила: «Дак ить че? Оне там живут се равно на один день! Запасов, дехка, никаво не делают. И дяревню запустили. Мы-то ить свою дяревню подстегивам! Поросят-от на улицу не выпускам, штоб чисто было. Оне-ить там вовсе опустилися... Грязища кругом и пьяны!»

Поразительно все же, как разнообразен народный характер, отразившийся в местных говорах. В ленских кличках навсегда отпечатались те неписанные законы и тот нравственный уклад, которым отличались когда-то русские старажилы. Собственно говоря, через них людская молва как бы лепила для потомков идеальный образ своего земляка, рисуя его таким, каким и должен быть хозяин, достойный столь прекрасной земли: совестливый, щедрый и трудолюбивый.

Жизнь без заботы о завтрашнем дне, о детях и внуках, бесхозяйственность и безответственность перед будущим сурово порицались народной молвой, а нищета понималась трудолюбивыми крестьянами не иначе как следствие лени, пьянства и других пороков, в которых виновен сам человек. Хотя, с другой стороны, по-волчьи ненасытная хозяйская хватка и замкнутая от добрых людей жизнь только для себя, «на свое брюхо», тоже не были в почете.

Позже, изучая литературу по жанрам фольклора, я прочла: народные прозвища обладают мощным эмоциональным сатирическим зарядом. Они выявляют нравственную суть совершенного человеком проступка, выставляя его затем на всеобщее обозрение, в назидание, чтоб другим неповадно было. Прозвища проводят ту невидимую черту, за которой лежит жесткое, но милосердное по отношению к человеческой душе слово «нельзя!». И по-матерински чутко, заботливо предупреждают молодое, вступающее в жизнь поколение: «Осторожно! Здесь можно поскользнуться! И расшибиться насмерть. Или, что того тошней, навсегда искалечить свою бессмертную душу — до безобразия и погибели».

Поистине, не в бровь, а в глаз бьют народные прозвища, когда речь идет о чистоте и распутстве. Это и понятно.

Внутренняя чистота сердца уравнивает человека с ангелами. Она отверзает райские двери и сродни самой святыне. Так издавна считал на Святой Руси «честной, православный, крещеный мир».

С великой ревностью и тщанием оберегал прежде русский народ нравственную чистоту молодежи. Эти обережные традиции отразились в семейной обрядовой культуре, пословицах и поговорках, хороводных песнях и прозвищах.

Конечно, нельзя слишком идеализировать прошлое, категорично осуждая нынешнее «младое племя»: сегодня, мол, у них — полный разврат, а вот раньше-то! И прежде не все было гладко... И тогда находились такие девицы и такие парни, что хоть в прорубь с головой! Но вот ведь что интересно... Была у нашего народа своя «художественная педагогика» по отношению к ним, которую доносят до наших дней те же народные говоры.

Ну, например... Как, по-вашему, называли в народе распутную деваху, которая («ой, всю ночь я прогуляла, будет мать меня бранить...») принесла однажды домой «в подоле»... Кого? — Внебрачного ребенка.

А вот как: «распетушница», «проруха», «непетое волосье», «покрытка», «порченая», «прогулянная»... За каждым из этих слов стоит целый рассказ.

Ну, с «распетушницей» — тут все понятно. Так говорят о легкомысленной, раздерганной, растасканной многими «петухами» развязной девице. Распускает хвост такая девка на вечерках и посиделках, заигрывает с кем ни попадя, назначая себе цену невысокую, а результат воистину плачевный — сиротское дите, безотцовщина.

А «проруха»? «Где тонко — там и рвется» — говорит пословица. В данном случае как только «прорвется» нравственность девушки, сквозь образовавшуюся дыру — «проруху» — тут же хлынут в ее жизнь одна беда за другой: попреки родителей, шепот соседей о том, «что девка собой хороша, да слава о ней плоха», одинокие злые слезы, обездоленность внебрачного ребенка.

Сиротское дите всегда обделенное, потому что ни отцовской ласки, ни кормильца у него нет и растить его женщины-матери в одиночку будет очень трудно. И морально, и материально. Вот вам и «проруха»: в нравственности дыра и в кошельке дыра. Все взаимосвязано. До конца дней своих будет мыкать такая мать со своим дитем горькую судьбинушку и плакать по ночам о невозвратном.

А старинное прозвище — «непетое волосье»? Оно хоть

и режет нам ухо с непривычки, но может рассказать много любопытного. Это прозвище означает, что над «порченой девой» подружки-игрицы не пропоют перед свадьбой те полные чистоты и возвышенного лиризма песни, от которых трепетало раньше девичье сердце и услышать которые перед венцом мечтала каждая девушка. Исполняли такие песни на девичнике, заплетая и расплетая «сговоренке» косу, символ ее «вольной воли», с которой после венца она рас прощается навеки:

Не в трубушку трубили рано по заре —
Расплакалась Марьушка по русой косе:
Коса ль моя, косынька, коса ль моя русая!
Вечор мою косыньку девушки плели,
Жемчужными камушками увязывали,
Шелковыми плетушками уплетывали...

Надеюсь, вы заметили, что последнее прозвище, о котором мы сейчас говорим, начинается с частицы «не». В данном случае это знаменательно. Не — это то, чего в жизни такой легкомысленной «девушки» уже никогда не будет. Например, такой свадьбы, которую — от мала до велика — на долгие годы запоминали земляки.

Интересная деталь: в белорусском языке свадьба называется словом «вяселля». Таким радостным, сияющим праздничком она и была, если все в ней было «по-людски». Взрывами смеха сопровождался раньше выкуп сундука с приданым, а затем перевоз его в дом жениха «постельничими боярами» — в расписной кошевке, с гармоникой, балалайкой и песнями. После венчания молодых долго и звонко плескались над местной окружой заливистые колокольные звонь — в честь новобрачных «князя» и «княгини». А на свадебном пиру веселил сердца гостей неуемный дружка — главный распорядитель и режиссер свадьбы, сверкающими горстями метавший вокруг себя, как горох из мешка, остроумные прибаутки, которых он знал великое множество.

В этот неповторимый, торжественный день пели много величаний: новобрачным, родителям, крестному и крестной. «Честная» свадьба была таким потрясающим, эмоционально насыщенным событием, что старики помнили ее в деталях до самой глубокой старости и носили в душе эти воспоминания как одну из заветных народных святынь.

Но совсем иная окраска и звучание были у него в том случае, когда наскоро состряпанной свадьбой торопились прикрыть чей-то грех. Тускло и уныло, без песен и плясок,

без всякого «вяселля» проходила она, никому не согревая сердце. Это и понятно. Родные старались спрятать семейный позор, чтобы «не выносить сор из избы».

Позор «порченой» девушки до конца жизни наносил незаживающую рану не только ее родителям. Он бросал смутную тень на ее младших сестер, ведь не зря говорится в народе, что «яблочко от яблони недалеко падает...». Такой семьи в деревне сторонились, не доверяли ей. «Если о девушке шла дурная слава, может, и напрасная, то страдала вся семья, особенно младшие сестры», — пишет в своей замечательной книге «Мир русской деревни» известный этнограф Марина Михайловна Громыко.

Но самое печальное даже не это... Легкомысленность девушки, до брака потерявшей свою невинность, тяжким грузом ложилась потом на плечи ее незаконнорожденного ребенка, которого на улице во время внезапно вспыхнувшей ссоры или драки соседская ребятня со зла могла обозвать «заугольником». Это была позорная, суровая кличка. Тяжесть ее с детских лет чувствовала и несла в себе душа ни в чем не повинного ребенка, который своими страданиями расплачивался за ошибки легкомысленной юности матери.

Как видим, мастера народного образного слова всегда стояли на страже нравственного здоровья общества. Они как бы предупреждали молодых, говоря им: грех — не только твое личное дело. Он может трагически отзываться на судьбе детей...

Как неизбежное возмездие, грех может прорости сквозь пространство и время, умножиться в последующих поколениях, уродливо искривляя постепенно засыхающие ветви родового дерева. «Какое семя — такое и племя», «От осинки не рождаются апельсинки» — кратко и сурово изрекает по этому поводу народная мудрость.

ЛИТЕРАТУРА

Громыко М.М. Мир русской деревни. — М., 1991.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. — М., 1982.

Круглов В.Ю. Русские свадебные песни: Учебное пособие для студентов пед. институтов. — М., 1995.

Лирика русской свадьбы. — Л., 1973.

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ТЕРМИНЕ «ГОЛЕНДРЫ»

НЕСКОЛЬКО ВЫНУЖДЕННЫХ РЕПЛИК ПРИНЦИПИАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА ПО ПОВОДУ ЗАМЕЧАНИЙ НЕОЖИДАННОГО МОЕГО ОППОНЕНТА

Болеслав Сергеевич Шостакович,
доктор исторических наук,
профессор Иркутского
государственного университета

Признаться, я оказался весьма озадачен, увидев в очередном выпуске журнала «Тальцы» (№ 4 от 2004 г.) свою собственную статью об истории происхождения и бытования термина «голендры» в непосредственном соседстве (в том же самом номере)... с «замечаниями» по ее поводу госпожи Н.Г. Галеткиной, как бы подытоживающими мою публикацию. Это стало для меня полной неожиданностью. Ведь уже сам факт заблаговременной «контратаки» моей коллеги-оппонента против публикации (подчеркну: еще на фазе ее редакционной подготовки к выходу в свет, соответственно, еще не получившей никакого читательского резонанса, тем более и безо всяко со мной согласования!), помещаемой в том же самом номере журнала как бы «упреждающее», — прием в журнальной публицистике, скажем прямо, по сути своей — совершенно невероятный. По крайней мере, с подобным я в своей многолетней научно-исследовательской и читательской практике столкнулся впервые. Однако оставим в данном случае в стороне вопрос о соблюдении общепринятых норм публикаций в специальных изданиях.

В указанной ситуации меня лично более всего встревожило и озабочило иное обстоятельство. Дело в том, что тема, затронутая в моей статье, является сферой компетенции достаточно узкого круга специалистов. Видимо, не случайно редколлегия журнала «Тальцы» обратилась именно ко мне как к единственному в регионе слависту-полонисту

(так в научной среде именуются исследователи и педагоги, специализирующиеся в области истории и культуры зарубежных славянских стран и, в частности, непосредственно Польши) с просьбой выступить в журнале по данному вопросу. Подготовка статьи потребовала серьезной работы над ее содержанием, основательного редактирования. Особенно сложными оказались выявление в специальной, оригинальной литературе аргументации по данному вопросу, а также — поиск возможно доходчивой, популярной формы для представления читателю материала, незнакомого для него своей конкретикой и связанными с нею деталями. И то, что едва появившаяся статья (заметим, первая в своем роде на данную тему во всей отечественной литературе) оказывается как бы «с порога», заранее оговорена «замечаниями» и возражениями, к сожалению, вводит в заблуждение основную массу читателей журнала, не искушенных в профессиональных тонкостях данного предмета. Это, несомненно, создаст у них иллюзию, будто бы вокруг затронутого вопроса существуют некие научные разногласия и споры. Кто-то из них, естественно, пойдет еще дальше, скорее всего вообразив, будто бы журнал намеренно открыл дискуссию по данной теме, видимо, до сих пор остающейся спорной в научном отношении, и в ходе таковой по этому поводу, вероятно, и должна родиться некая «истина». Необходимо сразу же подчеркнуть, что все подобные предположения лишены какой-либо реальной почвы!

Именно в сказанном, по нашему мнению, и состоит главный промах публикаторов научно-популярного издания, ковылем является журнал «Тальцы». Журнал этот призван просвещать свою читательскую аудиторию, давать ей материал, информационно выверенный, а не втягивать ее в публичные споры, для которых отнюдь не предназначено данное издание, и по предмету, широкому читателю попросту незнакомому. При этом сразу же оговорюсь. Все сказанное вовсе не означает, что автор отказывает журналу «Тальцы» в праве на проведение каких-либо дискуссий или в знакомстве своих читателей с какими-то реальными научными проблемами. Однако же это допустимо только лишь в тех особых случаях, когда для того имеются реальные основания, в отличие от рассматриваемой здесь ситуации. И тем более — когда обсуждение любых научных проблем выносится в читательскую среду во вполне адекватной, научно выверенной (корректной, как принято говорить в таких случаях) форме.

В итоге автор этих слов был вынужден взяться за новую статью. Ее цель состоит в том, чтобы попытаться объяснить всем заинтересованным вопросом о «голендрах» смысл сложившейся парадоксальной ситуации вокруг моего очерка, вызванной (надеюсь, невольно, без специального умысла) непродуманным его совмещением с оспаривающей его содержание полемикой Н.Г. Галеткиной. Это может вполне напоминать дискуссию специалистов-исследователей, будто бы свободно и независимо обсуждающих спорную проблему, но лишь чисто внешне, по форме. В действительности же для дискутирования напрочь отсутствуют серьезные доводы. Весь спор навязывается по надуманным вопросам. Если бы «ответы и замечания» госпожи Н.Г. Галеткиной не были вынесены на страницы специальной прессы и тем самым не вызывали в умах читателей большую долю сомнения относительно содержания предшествующей публикации пишущего эти строки, ему оставалось бы любого задающегося вопросом, кто такие «голенды», откуда взялось такое странное для нашего региона и непонятное для несведущих название, — отсылать к своей первоначальной статье о «голендрах». Автор твердо убежден, что в ней уже все сформулировал ясно и, в меру своего умения, доходчиво для любого проявляющего интерес к теме. Только публичные выпады Н.Г. Галеткиной против очерка, вполне добросовестно и объективно с научной точки зрения раскрывавшего актуальную тему, вынудили его автора вновь вернуться к ранее изложенной им проблематике, чтобы уже совершенно конкретно прокомментировать так называемые «замечания» и «ответы на критику» неожиданной «возмутительницы спокойствия».

Попробуем разобраться, в чем собственно состоят возражения Натальи Геннадьевны? Чем ее так возмутила моя сугубо аргументированная во всех отношениях статья? Почему она, даже не дождавшись выхода в свет журнала, както «уломала» его редакцию включить в тот же номер свои «замечания», непосредственно направленные против моей публикации?

Начнем с того, что Наталье Геннадьевне показалось «несколько странным» то обстоятельство, что моя статья, «заявленная как этимология термина и понятия „голенды“, посвящена критическому разбору» ее «работ, в центре которых стоят, — по утверждению оппонента, — иные научные проблемы». Как нам думается, уже в этом «замечании» обнаруживается одна из граней характерной позиции Натальи

Геннадьевны, весьма своеобразной, скажем мы, для специалиста в какой бы то ни было сфере научных исследований, и вовсе не обязательно только гуманитарного плана. Действительно, Н.Г. Галеткина с упорством, достойным лучшего применения, отстаивает мнение, что поскольку она занимается «проблемами групповой идентичности современных представителей группы „голендротов/олендротов“, живущих ныне в Сибири и в Германии», ее, как своеобразно выражается она сама, интересовали не вопросы происхождения и ранней истории [данной] группы вообще».

Но ведь именно из вопросов, которые оппонента «интересовали не», как раз и проистекают разного рода недоразумения, тиражируемые в каждой новой работе Галеткиной по теме «голендротов»! Она действительно ставит перед собою задачу описать современную группу сибирских голендротов «как реальный наблюдаемый феномен... исследуемого сообщества», и в этой части ее прикладные исследования социоэтнологического характера, с нашей точки зрения, вполне заслуживают одобрения (чего Наталья Геннадьевна в спешке своих возражений профессору, по-видимому, просто не заметила).

К сожалению, как показывают «ответы» Натальи Геннадьевны, она и далее обнаруживает непонимание непосредственной связи проводимой ею работы с историческими социокультурными «корнями» объекта своих исследований. Для нее таковые — всего лишь суть малозначимые в ее важной работе «реалии позднесредневековой Польши». Отсюда ее зацикленные полемические вопросы (очевидно, к «устарелому формалисту от истории Польши», каким представляется ей профессор Б.С. Шостакович, а вовсе не «к сложной современной этносоциальной реальности»). «Но что дает разъяснение термина „голенды“ как одной из социальных категорий польского крестьянства для понимания сегодняшней групповой идентичности жителей Пихтинска и их родственников, живущих в Германии? Ссылку на правовые привилегии и социально-экономические условия, которые давно не существуют? Указание на польское этническое происхождение?» — с пафосом вопрошают мой оппонент. И тут же «уличает» меня: «Но ведь сам профессор Шостакович говорит об этнической разнородности группы голендротов, упоминая и голландцев, и немецких переселенцев, и поляков-колонистов, участвовавших в ее формировании».

Трудно сказать, чего в этих вопросах больше — недостатка

ли професионализма (а ведь Наталья Геннадьевна получила неплохую подготовку на истфаке Иркутского госуниверситета и сама себя представляет именно как историка), некоторого ли фрондёрского дистанцирования от якобы устарелых методов научного анализа старого профессора, или же искренних заблуждений молодого исследователя, замкнувшегося в своих привычных прикладных наработках от всего, что выходит за рамки уже сложившихся стереотипных его представлений и страшит именно своей непривычностью.

Остается еще раз объяснить вопрошающему моему оппоненту вместе со всеми теми, кто, быть может, невольно солидаризировался с ним в этих недоумениях. Да, именно термин «голенды», о котором профессор Б.С. Шостакович уже вел речь в своей статье, и является тем самым главным отличительным признаком современной социальной группы, изучаемой госпожой Галеткиной! Он пришел в современность из тех самых «реалий позднесредневековой Польши», он и дает для объекта нынешнего изучения оппонента **ключевое понимание** исторического происхождения среды, откуда этот объект далее многократно трансформировался, эволюционировал, и продолжает развиваться во всей своей, как выражается сама Наталья Геннадьевна, «ситуативности в процессе самоидентификации»! Не видеть, игнорировать данную прямую связь и прямое отношение одного предмета к другому — это уже просто какая-то догматическая близорукость, на которую, с нашей точки зрения, специалист-историк и социолог-этнолог просто не имеет права.

Именно потому-то профессор Шостакович и уделил показавшееся Н.Г. Галеткиной столь странным внимание критическому разбору ее работ — на предмет заблуждений по указанному предмету. Ибо сама Н.Г. Галеткина, не замечая того, широко оперирует в них термином «голенды», предлагаая при этом весьма произвольные его трактовки и всегда в отрыве от его исторической природы и сущности. Тем самым в силу относительной доступности и распространенности публикаций моего оппонента-критика в региональной и отчасти даже общероссийской специальной литературе они, к сожалению, вносят много путаницы в вопрос реальной этиологии термина «голенды», которому непосредственно как раз была посвящена моя специальная статья. Полагаю, что едва ли возможно логичнее и точнее объяснить свое внимание к данному ракурсу работ моего оппонента.

В отношении риторических вопросов «о правовых приви-

легиях и социально-экономических условиях, которые давно не существуют» и «указания на польское этническое происхождение», то по первому из них профессиональный историк обязан уметь в историческом материале правового и социо-экономического характера «ощущать кожей» прямой источник, объясняющий многое в последующей эволюции голендеров как социальной группы, — вплоть до каких-то, возможно еще сохраняющихся и в современности, их следов. Здесь, скажем мы известным латинским изречением, — *sapienti sat* («мудрому достаточно»).

Что до второго вопроса, он в особенности наглядно демонстрирует явное непонимание Натальей Геннадьевной той самой природы предмета, обозначенного термином «голендеры», о которой в предшествующей статье профессора Шостаковича уже были даны достаточно подробные пояснения. Если бы, скажем мы, Наталья Геннадьевна прочла таковую внимательно и постаралась бы при этом без предубеждения вникнуть в суть изложенной там проблематики; если бы она не спешила высокомерно осадить назойливого профессора, с ее точки зрения, «несколько странно» вторгшегося в сферу ее научных работ; если бы, наконец, не была она столь категорична и небрежительна, возводя некий непреодолимый барьер между априорно отвергаемыми ею (по какой-то одной ей же ведомой антипатии) «другими научными реалиями и подходами» и неким собственным «своим подходом», подразумевающим изучение «понимания сегодняшней групповой идентичности жителей Пихтинска и их родственников» за рубежом! Думается, что тогда подобные недоуменные ее вопросы и пафосные априорные же «ответы» на них отпали бы сами собой.

Тогда бы и не потребовалось автору данных строк возвращаться к повторению уже изложенного материала (в ранее опубликованной его статье, которую с таким усердием стремится «опровергнуть» наш оппонент). Ну, да как гласит латинский афоризм: «*repetitio est mater studiorum*» («повторение — мать учения»).

Я вынужден вновь подчеркнуть, что **термин «голендеры» никогда** — от исторического позднесредневекового прошлого до современного советского и постсоветского настоящего — **не служил обозначением принадлежности к какому-либо этносу!** С самого начала, еще в отдаленном прошлом, под ним понималась особая социальная группа смешанного этнического состава. Потому профессор Шостакович и говорит в своей статье о разнородном этническом составе данной

группы, и это вовсе не ошибка и не есть противоречие, как думается моему оппоненту.

И уж совершенно несуразно выглядит утверждение Натальи Геннадьевны, будто бы моя статья «наглядно иллюстрирует лишь один из подходов, имеющихся сегодня в социальных науках». Позволительно спросить моего аналитика, какой же такой один из подходов я иллюстрирую. Если речь идет о происхождении термина «голенды», то весь привлеченный к выпущенной статье по этому поводу материал отнюдь не выдуман мною. Он является хрестоматийно-справочным и непреложным, если угодно, как ни раздражает, неведомо отчего, Наталью Геннадьевну это вполне уместное в данном случае определение. Напрасно мой оппонент пытается изобрести некие содержательные расхождения в термине «голенды». Согласно ее формулировке, одно из толкований его «принято в кругу историков-полонистов» (очевидно, оппонент прозрачно намекает на то, что это — вовсе «не ее круг»), другое, согласно ее выражению, оказывается «словом, используемым как самоназвание представителями социальной группы». В связи с этим профессор-полонист вынужден еще раз подчеркнуть **непреложную, бесспорную реальность**: данный термин — един в своем смысловом значении, начиная от его исторического функционирования в прошлом и вплоть до настоящего времени.

При этом вполне закономерны естественные историко-временные различия, с ним связанные. Они отражают живую динамику и конкретику эволюционного процесса, происходящего в социальной среде носителей этого группового названия. Отмеченные факторы, вопреки «замечаниям и ответам» госпожи Галеткиной, ничуть не отменяют данного термина в том универсальном смысле, о каком говорилось в предшествующей статье Б.С. Шостаковича. **Иначе откуда бы это самоназвание взялось у современных голендров, если не являетсяrudimentарным следом их былой групповой принадлежности, изначально безусловно связанной спольской исторической социальной средой и ментальностью (отнюдь не тождественными, как ошибочно полагает Н.Г. Галеткина, польскому этносу).** То, что современные голенды сами говорят на тему своего происхождения и как они себя идентифицируют в данном отношении, уже совершенно отдельная тема прикладного исследования. Это самоочевидно, и совершенно напрасно уважаемый оппонент мно-

гократно налегает на этот мотив в «споре» со мною. Однако подобная констатация фактов никоим образом не отменяет всего изложенного в вынужденных моих репликах. Напротив, представляется, что для глубокого и думающего исследователя — историка, социоэтнолога, к которым относится и наш оппонент, все вышесказанное может давать пищу для многих оригинальных и далеко не бесполезных, но весьма конструктивных и оригинальных наблюдений и заключений. Конечно, только в том случае, если исследователь станет размышлять на заданную тему без предвзятости, если его риторические вопросы действительно задаются ради постижения не вполне усвоенного им предмета!

В связи с отмеченным здесь выглядит совершенно уже нелепым и вызывает глубокое сожаление, что в заключение своих «замечаний» в мой адрес Наталья Геннадьевна зачем-то приписывает мне некий «спор о той или иной изначальной этнической принадлежности», которого я вообще никогда и ни с кем не вел. Возмущившись моим выражением о «непреложной истине» (так я обозначил именно тот конкретный аспект, где эта истина существует, а не какую-то абсолютную статичность всего научного знания, в которой винит меня мой оппонент!), госпожа Галеткина огульно «разоблачает» некие мои «теоретические конструкции, которым придается не инструментальный, а абсолютный характер», и приписывает мне в качестве примера «представление о врожденной и наследственной этнической принадлежности».

Не считаю даже необходимым доказывать, что я никогда не разделял таких расовых фашистских воззрений по указанному предмету. И уж тем более ни о чем подобном я не писал не только в обсуждаемой в данном случае своей статье, но и во всех других своих довольно многочисленных и разнообразных научных трудах. Мне лишь остается напомнить Наталье Геннадьевне времена, когда она еще в качестве студентки исторического факультета нашей альма-матер слушала мои лекции, в которых я неоднократно имел повод объяснять своим ученикам всю порочность и ненаучность подобных вздорных умопостроений. Вот уж воистину незадачливый разоблачитель мнимых ошибок учителя в запальчивости настолько теряет голову, что забывает одну **непреложную заповедь**, доставшуюся нам от древних и, в свою очередь, от неукоснительно следовавших ей наших старших наставников: стремись исторически изложить дело *sine ira et studio* («без гнева и пристрастия»).

МУЗЕЙ Г.И. ШЕЛИХОВА — НАШЕ СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

*Наталья Ивановна Волкова,
директор городского музея
Г.И. Шелихова,
г. Шелехов Иркутской области*

Казалось бы, еще совсем недавно молодые, окрыленные идеей пройти по пути первопроходцев, исследователей северных просторов, покорителей Тихого океана и земель Северной Америки, мы стояли на берегу красавицы-реки с дивным названием Лена (Элюэнэ, как величали ее эвенки), смотрели на уходящие в даль зеленые сопки, покрытые великолепным лесом, представляли, как некогда валили этот лес крепкие мужики. Они распускали его на плахи, дабы соорудить из него карбаза для транспортировки в Якутск, а затем и далее в Охотск мудреного скарба для мореплавания русские промысловики, среди которых был Он — человек-легенда, впоследствии нареченный Колумбом Российским — Григорий Шелихов (Шелехов). Тогда, летом 1991 года, нам, еще легким на подъем и дерзким на мечты, виделись окутанные суровыми туманами Алеутские острова, закладные доски с надписью «Земля Российского владения» и первые русские поселения на Аляске.

Пора безмятежной молодости, пожалуй, тем и хороша, что, не зная ограничений и страха, может позволить себе любую Мечту. Кавалькада из шести надежно сооруженных плотов медленно отходила от берега с уютно притихшим селом Тутура в Жигаловском районе, и каждый из участников первой экспедиции твердо верил, что это начало большого пути с символичным названием «Путь Шелихова» имеет для каждого из нас гораздо большее значение, чем просто летняя экспедиция.

Затем начались будни: первые встречи со старожилами в селах Усть-Илга, Коношаново, Марково и сбор экспонатов для будущего музея. Мы, как малые дети, радовались

Городской музей Г.И. Шелихова. Фото А. Бызова, 2002 г.

первым находкам и щедрым подаркам — утюгам, кованым гвоздям, чиркам и ичигам, сельнице из-под муки, которые слезно выпросили у хозяюшки в селе Сполошино, большому холсту новой самотканой дорожки, полученному за две банки сгущенки, и дырявым самоварам, которые находили в заброшенных, поросших высокой травой дворах.

Мы не знали, каким он будет, но попытка систематизации экспонатов, тогда еще робкая, вселила уверенность — Музею быть!.. Потом, позднее, будут вторая, третья и четвертая экспедиции, встреча с учеными Б.П. Полевым, Н.Н. Болховитиным, с американкой Лидией Блэк в Петропавловске-Камчатском на международной конференции и II Свято-Иннокентьевских чтениях. Душевная поддержка ученых давала нам веру в то, что мы действительно вершим важное дело — изучая исторические материалы, по крупицам собираем новые сведения о человеке, чьим именем назван наш город Шелехов. Философы, наверное, не найдут точного ответа, что же является первопричиной в создании нового, но в нашем случае все сошлось воедино: наивная необузданная вера в то, что собранный в экспедициях материал должен быть размещен в музее, чтобы о подвигах наших земляков знало сегодняшнее поколение, не забывало и гордилось их великими деяниями, осознанная заинтересованность и под-

держка главы городской администрации В.В. Поздняка, а также неутомимая деятельность краеведов А.Б. Ружникова, М.Н. Сапижева, Н.И. Волковой, Н.В. Дергачёвой и других энтузиастов, которые верой и усердием заложили в благодатную почву золотое зерно, проросшее итоговым документом — постановлением мэра г. Шелехова № 1237 от 29 сентября 1995 года «О создании Музейно-выставочного центра имени Г.И. Шелихова».

Итак, решение о создании МВЦ (музейно-выставочного центра) принято, все документы подписаны, назначены директор, Н.И. Волкова, и научный сотрудник, М.Ю. Зырянова. Но это была только отправная точка в начале большого пути создания музея, и, конечно, мы тогда не предполагали, сколь долгий путь предстоит нам пройти, прежде чем музей распахнет свои двери для первых посетителей. Между этими событиями — решением о создании музея и первой экспозицией — лежал временной отрезок длиною в пять лет.

В те первые годы дни летели своим чередом — шли поиски здания, бесконечные кочевания по приспособленным помещениям, сбор и систематизация существующих коллекций и обработка новых материалов. Только что родившемуся музею родственники А.А. Леднёва — одного из первых редакторов городской газеты, старейшего краеведа города, передали в дар огромный архив — около 10 тысяч рукописных листов, фотографий, газет и журналов, блокнотов, рабочих записей журналиста. Из Центра творчества был передан материал Музея боевой славы, которым долгое время руководила Т.А. Валеева — историк, краевед, биограф многих участников войны, строителей города. Слишком рано уйдя из жизни, она не успела подготовить себе преемника, и, к сожалению, не нашлось в Центре творчества человека, который принял бы на свои плечи этот бесценный груз памяти о войне.

А между тем только что родившийся МВЦ имени Г.И. Шелихова должен был работать, и его сотрудники, еще не имея помещения, готовили передвижные выставки в художественной школе, в центральной библиотеке и в кинотеатре «Юность», серьезно и ответственно заявили о себе городскими мероприятиями — научно-практической конференцией «Моя малая родина» и городской историко-краеведческой театрализованной игрой «Колесо истории», участниками которой стали все школы города и Шелеховского района. Впервые по результатам краеведческих конференций

стал издаваться информационный сборник, авторами которого были юные краеведы города.

Приняв участие в археологических раскопках на территории Иркутского Вознесенского монастыря в 1996 году, а затем и в Калифорнии, в Форте Росс, мы стали поднимать мощный пласт истории Шелеховского района, старинные села которого — Введенщина, Баклаши, Олха и Моты — были основаны 300 лет назад как монастырские села Вознесенского монастыря. Здесь пролегал единственный сухопутный Кругобайкальский (Кругоморский) тракт, уходивший из Иркутска на восток и в Китай, и в XVIII веке именно по нему осуществлялись грузо-перевозки товаров Российской-Американской компании, в том числе мягкой рухляди — меха морских животных, добывших промысловиками компании Г.И. Шелихова.

Тем временем в Управлении архитектуры и градостроительства готовилась документация для реконструкции под музей освободившегося здания филиала библиотеки. Был объявлен конкурс среди художников и архитекторов на создание особого облика здания: чтобы оно заключало в себе суть основного имени — Шелихова — купца, путешественника, стало особым для архитектуры молодого города и подчеркивало индивидуальный стиль.

Из рассмотренных десяти предложений был выбран проект заслуженного художника В.Н. Шаргина, в соответствии с которым маленькое одноэтажное здание бывшей библиотеки разительно преобразилось. Пристрой к зданию и второй этаж увеличили экспозиционные площади, а взметнувшиеся ввысь плоскости крыши, напоминающие паруса, наполненные ветром, придали

Холл музея. Фото А. Бызова,
2002 г.

особый, неповторимый облик новому зданию. Желание художника совместить внешний облик традиционных сибирских деревянных строений и жилищ алеутов на Американском континенте дало рождение балконным и фасадным декорам здания. До февраля 2000 года велись строительные и отделочные работы на особо важном строительном объекте города, а между тем художники-дизайнеры под руководством В.Н. Бешнова работали над формированием первых экспозиционных залов первого городского музея Г.И. Шелихова.

Третье тысячелетие стало началом новой ступени развития МВЦ.

29 февраля 2000 года по решению городской администрации Музейно-выставочный центр имени Г.И. Шелихова был реорганизован в музей Г.И. Шелихова, который 2 июля 2000 года распахнул двери для посетителей. В этот же день была произведена закладка памятной капсулы в основание нового православного храма Святых Апостолов Петра и Павла — покровителей моряков, путешественников и рыбаков. Так в городе появилось два центра, призванных аккумулировать веру, историю, культуру и распространять их среди жителей Шелеховского района.

Для рождения нового музея символично, что он создан по инициативе молодежного туристическо-краеведческого объединения «Наследники», ветеранов-первостроителей и краеведов города, при активной поддержке ученых Центра северо-американских исследований Института всеобщей истории Российской академии наук. В сложнейший и противоречивый

**Фрагмент экспозиции «Рыльск –
родина Г.И. Шелихова».
Foto A. Бызова, 2002 г.**

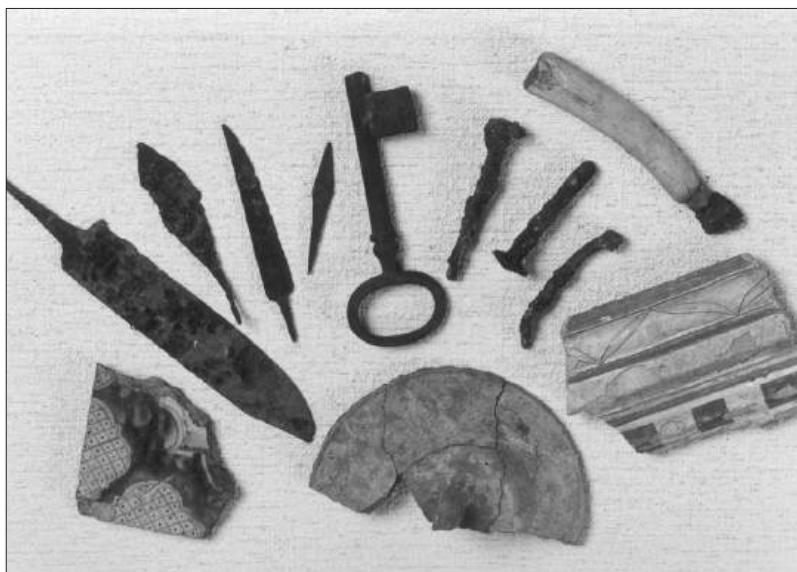
период 90-х годов XX века, когда молодежь упрекали в инфантильности, нигилизме и аморфности, когда были попраны сформированные десятилетиями идеалы, именно общественность города и молодежное объединение выступили с гражданской инициативой о создании музеиного центра.

В своем концептуальном аспекте музей Г.И. Шелихова уникален. Он является пока единственным на территории Сибирского региона по своей тематике. Сотрудники музея занимаются целенаправленным изучением деятельности известного российского купца, именитого рыльского гражданина, основателя постоянных русских поселений в Северной Америке, инициатора создания Российско-Американской компании. Цель музея — создать из разрозненных материалов архив Шелиховых для его разнопланового изучения, а также через изучение деятельности Г.И. Шелихова и источниковедческой базы — документов государственных архивов России, Аляски, Калифорнии, выявлять и сохранять материалы об иркутских и российских купцах, государственных деятелях, прославивших Россию в XVIII–XIX веках, таких как Н.П. Резанов, А.А. Баранов, И.А. Кусков, Э. Лаксман, и о менее знаменитых россиянах и сибиряках.

Сотрудники музея определили два основных направления научно-исследовательской работы: изучение деятельности Г.И. Шелихова и изучение истории развития города и Шелеховского района. Документы, связанные с жизнью и деятельностью человека, чьим именем назван город, основателя Российской-Американской компании, купца, именитого рыльского гражданина Г.И. Шелихова, занимавшегося про мыслом меха морских животных на островах Тихого океана, основавшего постоянные русские поселения на землях Северной Америки и присоединившего к России большую часть этих земель, человека, прожившего в Иркутске более 20 лет и похороненного в Знаменском монастыре, имеют свои особенности. Все копийные материалы из государственных архивов России являются очень ценными, часть из них не была опубликована ранее, и пока ни один музей Сибири не обладает столь большой коллекцией документов о знаменитом сибиряке.

Личность Г.И. Шелихова мы рассматриваем в разных ее проявлениях: как купца, стремившегося расширить и закрепить свое влияние на освоенных им территориях Северной Америки, монополизировать торговлю в этом районе, привить православие среди местного населения

и освоить этот район для хозяйственной деятельности; как дальновидного политика, поддерживавшего исследование Японии, Курил, Индии и Филиппин и торговлю с ними; как мецената, строившего на свои средства церкви, соборы, школы и библиотеки; как отца семейства, обеспечивавшего многочисленную семью и родственников. Мы ведем исследование жизни и деятельности его детей, устанавливаем родственные связи, составляем генеалогическое древо рода Шелихова до ныне живущих потомков. При исследованиях мы обращаемся к широкому кругу разнородных источников, как в России, так и за ее пределами. Г.И. Шелихов в своей деятельности был связан с выдающимися людьми России — Г.Р. Державиным, А.Н. Радищевым, Н.П. Резановым, Екатериной II, Павлом I и многими другими, чью роль в жизни страны и за ее пределами трудно переоценить. С детищем Г.И. Шелихова — Российско-Американской компанией — связан также огромный пласт истории и географии открытий, деятельность Рылеева и будущих декабристов, организация кругосветных экспедиций, этнографических и других научных исследований, организаторами и участниками которых были выдающиеся личности.

*Археологические предметы из раскопок в г. Рыльске.
Фото А. Бызова, 2002 г.*

*Часть экспозиции,
посвященной Н.А. Шелиховой.
Фото А. Бызова, 2002 г.*

Перед сотрудниками музея стоит огромная задача — создать максимально полную источниковедческую базу опубликованных, ранее исследованных источников, а также установить новые направления работы. Нами определены научные темы, ранее не изучавшиеся историками, или не до конца исследованные страницы жизнедеятельности Российского Колумба, такие как «Наследники и потомки Шелихова», «Наталья Шелихова: мифы и реальность», «Клан Шелиховых в управлении делами Российско-Американской компании». Особый пласт в перспективных исследованиях — установление переписки русских поселенцев на

Аляске и в Калифорнии. Сотрудники музея размышляют над вопросами: можно ли проследить дальнейшую судьбу алеутов, вывезенных Шелиховым в Иркутск, деловое и личное участие Шелихова в иркутских проблемах и государственных делах России. Чем больше мы задаем вопросов об отдельных периодах жизни этого уникального человека, тем ярче высвечиваются новые интересные темы будущих поисков. Нас интересуют все географические объекты, названные именем Шелихова, а ведь их более 20: река и бухта на Курильских островах, залив в Охотском море, пролив между Аляской и островом Кадьяк и др. И вопрос, почему и по чьим инициативам эти объекты в разные годы получили это звучное имя? Пожалуй, ни один из ведущих государственных деятелей, великих путешественников ни до, ни после Шели-

хова не удостаивался такого увековечения его имени. С этой целью сотрудники музея работают с документами музеев и государственных архивов России, США, Аляски, ведут активный поиск материалов посредством переписки с учеными, краеведами, журналистами, издателями журнала «Русская Америка», а также с частными лицами, заинтересованными в сотрудничестве. География точек пересечения по этой теме весьма широка: Шелехов, Иркутск, Рыльск, Тотьма, Вологда, Каргополь, Симбирск, Москва, Санкт-Петербург, Якутск, Охотск, Кадьяк, Форт Росс.

Равным по значению является направление по изучению современного периода — истории строительства и развития города и Шелеховского района, формирования его промышленной базы, инфраструктуры, социально-культурной жизни населения. Еще на первоначальном этапе существования музея не раз можно было услышать: «А нужен ли в столь молодом городе музей и что же он может предложить посетителям, когда в областном центре — Иркутске — есть такие авторитетные музеи, как краеведческий, художественный, музей „Тальцы“ и еще около десятка музеев, где любознательный посетитель может удовлетворить свой интерес? А город Шелехов, который еще только подходит к своему первому полувековому рубежу, слишком мал и юн, чтобы быть интересным для горожан, тем более для искушенных туристов».

**Фрагмент экспозиции о Российско-Американской компании.
Фото А. Бызова, 2002 г.**

Закладная доска, найденная при раскопках на острове Ситх, США, штат Аляска

Всесоюзной ударной комсомольской стройкой, а затем особо важной стройкой страны. Что это — парадокс времени или эгрегор имени? «Как вы лодку назовете, так она и поплынет!» Именно через музейные материалы с каждым годом все отчетливее прорисовываются эти две параллели — прошлого и настоящего.

Широкие связи города Шелехова с городами-побратимами Неагари и Рыльском позволяют музею отразить особенности национальной культуры японского народа и глубинные ценности славян, берущих исток от героев «Слова о полку Игореве». В выставочных залах, посвященных городам-побратимам, представлены вестники глубокой истории, предметы XI–XIII веков, переданные музеем города Рыльска, — наконечники стрел, найденные на горе Ивана Рыльского, черепки глиняной посуды из славянских поселений, артефакты, вызывающие большой интерес посетителей музея, равно как и мелкая монета «шелех», этиологически связанная с фамилией Шелихов (Шелехов), а также кирпичи с клеймом, взятые из основы дома Шелихова в Рыльске.

У всех посетителей возникает много вопросов о быте, культуре и традициях японского народа, истории города-по-

Каждый исторический период существует в русле определенных традиций, экономических условий, то есть является носителем и проводником культуры. Подчеркнуть особенности времени, создавшего город, и идей, заложивших основу, базис города, — главная идея ключевой экспозиции. Молодой рабочий поселок, получивший в 1956 году имя мало кому известного тогда купца Шелихова, в то же время был объявлен

братима Неагари и деятельности человека, 30 лет назад заложившего основы этой дружбы — Сигеки Мори, часть праха которого погребена на кладбище города Шелехова.

Сигеки Мори являлся почетным гражданином городов Шелехова и Иркутска. Миротворец 60–80-х годов XX века, он приложил много усилий для становления и развития дружбы между Иркутской областью и префектурой Исикава, между Иркутском и Канадзавой, Неагари и Шелеховом. В музее хранятся личные вещи Сигеки Мори, подарки делегаций от Общества дружбы — свадебные мужское и женское кимоно, традиционные японские куклы, предметы быта, а также керамическое панно — дар премьер-министра Японии Иосиро Мори, фотография, сделанная во время визита В.В. Путина в Шелехов. Возложение цветов президентом России на могилу Сигеки Мори подчеркивает важность дружбы городов-побратимов для дипломатических отношений России и Японии.

Становление и развитие музея в малом городе имеет ряд особенностей. Одной из приоритетных задач для всех сотрудников музея является привлечение внимания к нему со стороны власти, бизнеса и рядовых посетителей.

«Музей живет ногами посетителей» — для нас не просто крылатая фраза. Все музейные работники знают, что не так много людей, которые ходят в музей потому, что это часть их жизни. Прийти в музей один раз в год могут школьники, как правило, в рамках воспитательно-познавательного культпохода. Неизменно посещают музей, конечно же, гости

В экспозиции «История города Шелехова». Фото А. Бызова, 2002 г.

города. Но ведь это же капля в мечтах о безбрежных потоках посетителей для провинциального музея. Поэтому с первых лет мы стремимся выстроить свою, особую систему работы с потенциальными посетителями, чтобы востребованность музея была постоянной. Коллектив музея ведет разноплановую работу со всеми категориями населения через активное взаимодействие с отделом социальной защиты, городской администрацией, городским советом ветеранов войны и труда, городским отделом образования, руководителями промышленных предприятий и с главами администраций внутримуниципальных образований Шелеховского района.

Тематические и обзорные экскурсии в музее, интерактивные выставки «Магия бумаги», «Культура и традиции японского народа», «Игра — дело серьезное», уроки истории, географии и биологии для школьников 3–11-х классов на базе научных материалов музея, встречи с ветеранами войны и труда, проведение обрядовых свадеб и юбилеев, выездные экскурсии в Иркутск, Ангарск, Усть-Орду, Листвянку и в музей «Талыцы» — далеко не полный перечень традиционных музеиных услуг.

Опыт работы с учебными заведениями в Шелеховском районе подтвердил высокую результативность и единственность проведения научно-исследовательских конференций, театрализованных игр-викторин с участием большого — до 500 человек — числа зрителей. Это позволяет включать в действие активных и пассивных участников, получать практические результаты в форме исследовательских работ, сбора информации, фотографий, документов, привлекать потенциальных друзей музея и через них пропагандировать его деятельность, повышать информированность населения сведениями об истории родного края.

Посетителей в условиях малого города можно привлечь только интересными встречами, событийными мероприятиями и новыми выставками. Но нам, еще молодому музею, принципиально сложно в кратчайший срок создать экспозиции, наполненные глубоким многофункциональным содержанием, поэтому мы формируем тематические и гостевые выставки. По обмену информацией и выставками мы сотрудничаем со всеми крупнейшими музеями Иркутска, научной библиотекой Иркутского госуниверситета, Ангарским музеем часов, Байкальским музеем и другими учреждениями. Мы принимали у себя удивительные выставки: «Жостовские подносы» из коллекции музея Янгеля и выставку самоцветов из музея

минералов Иркутского технического университета, передвижные выставки Самарского культурного центра и из города Рыльска. Опыт сотрудничества с частными коллекционерами показал, насколько это интересно горожанам. Коллекция шелеховского нумизмат Н.П. Кухарёнка и коллекция кукол иркутянина В.М. Лапенкова пользовались большим спросом шелеховчан и гостей города.

Поддержка городской администрации важна для всех бюджетных организаций, а для музея, пожалуй, особенно. С первых дней полноценной работы в новом здании мы рассматривали музей как визитную карточку города, информационный центр, в котором время как бы концентрируется, способно учить и вызывать радость и гордость за видную стать города и его жителей.

Мы глубоко убеждены, что музей должен находиться на острие формирования духовно-нравственной культуры, там, где она рождается. Задача состоит в том, чтобы отслеживать и отражать происходящие процессы, а также предугадывать их, что поможет обеспечить инновационную направленность, возможность работать не только с прошлым, но и с будущим. У нас в музее через мощный информационный пласт выявляется и формируется перспективное видение юбилейных дат и тематической направленности городских мероприятий, таких как 40-летие города, 50-летие треста «Иркутскалюминстрой», 210-летие памяти Г.И. Шелихова, 30-летие побратимских связей и многих других.

Кукла — подарок Общества дружбы г. Нагари, Япония. Экспозиция «Города-побратимы». Фото А. Бызова, 2002 г.

В современных условиях, на наш взгляд, музей должен брать на себя не только функции сбора, хранения, систематизации материальных и культурных ценностей существующей эпохи, но и выполнять, а еще лучше — моделировать совместно с городской администрацией социальный заказ на формирование определенной системы ценностей для сегодняшнего, а главное — для будущего поколения. И, наверное, это большое счастье, что пока еще музей и городская администрация понимают и поддерживают эту нить в перспективе развития города.

Какой из музеев не мечтает о стабильной финансовой поддержке со стороны спонсоров, среднего и крупного бизнеса? Но к еще одной из особых проблем малого города следует отнести и то, что у предприятий или финансово твердо стоящих бизнесменов деньги просят все, а так как при финансовом дефиците в бюджетной сфере каждый рассчитывает сам на себя, то в данной ситуации музей не является исключением.

Пословица «Волка ноги кормят» — это о нас. Вот уже несколько лет как мы отказались от практики просить деньги, мы или приглашаем бизнесменов и руководителей предприятий к совместному сотрудничеству, или производим и продаем товар — интеллектуальную собственность — в виде программ и проектов как музеиного продукта, издаем открытки, буклеты, календари, информационные сборники.

Фрагмент этнографической экспозиции. Фото А. Бызова, 2002 г.

Тем самым мы заняли свою, востребованную в городе нишу производства, пусть в очень малой доле, рекламной продукции о городе.

В 2001 году сотрудники музея Н.И. Волкова и Н.П. Дулепова, участвуя в конкурсе, организованном губернским собранием Иркутской области, получили финансовую поддержку для реализации проектов: «Чистый исток» — на создание информационного банка данных о городе, «По странам и континентам» — на создание экспозиции под открытым небом на территории музея с целью представления ландшафтных зон Сибири, Японии, России и Аляски. Тем самым мы смогли расширить сезонные экспозиционные площади рядом с музеем и начать комплектацию банка данных о городе и Шелеховском районе. Затем при поддержке областного комитета по делам молодежи, участвуя в конкурсе инновационных проектов, мы приобрели оргтехнику. Далее, сотрудник музея Наталья Дулепова получила поддержку общественно значимого проекта «Пойдем ныне по своему отечеству» для создания передвижных выставок по селам Шелеховского района. Но самой большой радостью стали для нас победа во всероссийском конкурсе «Меняющийся музей в меняющемся мире» и поддержка Фондом В. Потанина проекта «Остров орхидей». Проект призван сохранить сибирские орхидеи, произрастающие на острове Березовом близ Шелехова на реке Иркуте, определить их как музейный объект и организовать к ним туристический маршрут. Этот проект позволяет нашему музею выйти за пределы здания и, я думаю, послужит нач-

**Уголок экспозиции
«Природа Шелеховского района».
Фото А. Бызова, 2002 г.**

лом новой большой программы музея по развитию территории Шелеховского района.

Музей принимает участие в работе над формированием комплексной программы «Стратегическое развитие Шелеховского муниципального образования до 2015 года» и созданием Фонда местного сообщества имени Г.И. Шелихова. Свойственно ли это музею? Наверное, да! В меняющемся мире роль и функции музеев могут быть шире ранее заданных границ. Создание Фонда местного сообщества имени Г.И. Шелихова послужит развитию филантропии, и, хочется верить, станет доброй традицией — целенаправленно жертвовать средства для учреждений культуры, в том числе и для музея. Г.И. Шелихов был известен как щедрый меценат, даривший средства на строительство храмов, публичной библиотеки и первого музея в Иркутске. Музей Г.И. Шелихова может внести свою лепту в воспитание цивилизованных меценатов в настоящее время.

У музея Г.И. Шелихова в октябре 2005 года маленький, но все же юбилей — нам исполняется десять лет. Впереди много планов, перспективных программ и интересных проектов, первоочередным из которых является проект по развитию туризма в Шелеховском районе, ведь на нашей территории расположены памятники природы, ставшие местом паломничества туристов. Впереди новые экспедиции в Охотск и на Аляску, и очень хочется верить, что через несколько лет герб города Кадьяка как символ еще одного города-побратима появится на баннерах нашего города.

Мы открыты для научного и творческого сотрудничества, приглашаем в гости и с радостью примем участие в интересных музейных проектах. Дорогу осилит идущий!

УСАДЬБА НЕПОМИЛУЕВА В АРХИТЕКТУРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ МУЗЕЕ «АНГАРСКАЯ ДЕРЕВНЯ»

*Галина Михайловна Штеле,
старший научный сотрудник
Братского государственного
объединенного музея,
г. Братск Иркутской области*

В архитектурно-этнографическом музее «Ангарская деревня», филиале Братского государственного объединенного музея (БГОМ), открылась новая экспозиция.

Распахнула свои калитки и двери четвертая усадьба — аналог усадьбы Непомилуева из деревни Нижняя Шаманка Усть-Илимского района. В избе и под навесами развернута экспозиция «Жизнь и быт населения Приангарья в середине XX века».

Интересна история появления этой усадьбы в музее. В самом начале 1970-х годов Братским отделением ВООПИК было организовано несколько экспедиций в зону затопления Усть-Илимской ГЭС с целью изучения и обследования памятников деревянного зодчества. В экспедициях принимали участие А.В. Ополовников — кандидат архитектуры, автор более десятка книг по деревянному зодчеству, ставших сегодня классикой, Е.А. Ополовникова — ныне кандидат архитектуры, А.Я. Ковалев. Перед участниками стояла задача выявить памятники, необходимые для создания музея под открытым небом. В основном для вывозки были отмечены постройки в деревнях Подъеланка, Нижняя Шаманка, Гарменка, водяные мельницы в деревне Закурдаево.

Результаты экспедиций А.В. Ополовникова отразил в одной из своих книг — «Русское деревянное зодчество». Книга полностью посвящена северной деревне, ее народной стилевой архитектуре, в ней есть фотографии усадьбы С. Говорина из Подъеланки и усадьбы Непомилуева из Нижней Шаманки. У

А.Я. Ковалева вышли книги «Гиганты на Ангаре» и «Ангарский каскад».

В 1976–1977 годах был разработан эскизный проект генерального плана музея «Ангарская деревня» авторской группой в составе: О.М. Леонов — ответственный секретарь Братского отделения ВООПИК, руководитель проекта, Б.П. Чуласов — архитектор Братского отделения Художественного фонда, М.С. Галай, И.А. Тупеев — генеральный директор и начальник отдела «Братскэнергопроекта», научный руководитель — А.В. Ополовников. В 1977 году проект был согласован с Министерством культуры РСФСР, сделавшим некоторые замечания и предложения по доработке генплана. На основании характера размещения и планировки был определен тип музея — архитектурно-этнографический музей-заповедник.

Согласно генплану «Ангарская деревня» — это односторонняя улица длиною 260 м, состоящая из семи крестьянских усадеб, ориентированных фасадами на юг. В конце деревни — «мангазея» (хлебный амбар) и острог, реконструированный в натулярную величину. Вдоль деревни — проселочная дорога с ответвлениями к острогу, церкви, кузнице, мельнице, стоящим на берегу баням.

В 1973–1974 годах из зоны затопления было вывезено 61 строение: хозяйствственные постройки к семи усадьбам, пять усадеб было вывезено полностью, две по совету Ополовникова были сформированы из отдельных построек, взятых в разных местах. В ходе исследовательской работы он всегда отмечал, что метод «выдергивания» построек из других мест при отсутствии их в данном месте оправдан, лишь бы не нарушался принцип традиционной планировки, неискажался облик памятника. Была разобрана и полностью вывезена и трехдворная усадьба Непомилуева из деревни Нижняя Шаманка.

Как правило, деревни на Ангаре ставились на нижних террасах или на пологих береговых склонах рек, ручьев, на протоках, на больших полуостровах, ориентированных на юго-восток и юго-запад. В зоне затопления Усть-Илимской ГЭС от Братска до Усть-Илимска находилось довольно много деревень: здесь на 302 км по обоим берегам и по островам размещалось 19 разных по величине сел и деревень, образованных в конце XVII – начале XVIII века. Деревня Нижняя Шаманка располагалась на обрывистом берегу Шаманского

острова, длина которого 19 км, ширина 2–4 км. За протокой, делившей остров пополам, была построена еще одна деревня — Пашино. В административные границы Шаманского сельсовета входили деревни Пашино, Нижняя Шаманка, Гарменка с центром в Нижней Шаманке. Напротив деревни находился остров Еловый, с другой стороны — остров Чилипчан. Большие и маленькие острова разделяли Ангару на три протоки, между которыми было много лесных и луговых островов. На этих островах без пастуха летом пасся скот. На северном берегу Ангары была деревня Гарменка. Там мы разобрали и перевезли в Братск дом Героя Советского Союза С.Б. Погодаева.

Дату основания Нижней Шаманки можно отнести к концу XVII века. В деревне было две улицы, идущих с юго-востока на северо-запад. Более ранняя улица — с однорядной застройкой в нижнем конце деревни и двухрядной в верхнем. Вторая, новая, улица разместилась выше. В Нижней Шаманке жили в основном ссыльные люди. Виктор Васильевич Шляпкин, уроженец Нижней Шаманки, 1937 года рождения, рассказал, что его прадед со стороны отца был политическим ссыльным из Курской губернии. Он прибыл в Нижнюю Шаманку в 1878 году, с собой привез жену и шесть детей. Прадед со стороны матери тоже был политссыльным, он

Общий вид усадьбы Непомилуева в музее «Ангарская деревня». Фото И. Калининой, 2000 г.

*Жилой дом из с. Петропавловска, вид с юга.
Фото И. Калининой, 2000 г.*

прибыл с четырьмя братьями из Польши, в деревне их звали Говорскими. Дед, отец, дядя Виктора Васильевича также проживали в Нижней Шаманке. Главным образом здесь обосновались семьи с фамилиями Шаманские, Шляпкины, Говорины, Перетолчины, Литвяки, Непомилуевы, Ступовы, Ступины.

Трехдворная усадьба Непомилуева была построена на крутом берегу острова. Дом-связь с тремя окнами и односторонними довольно простыми наличниками традиционно был поставлен торцом на улицу. Справа от избы был чистый двор с «красным» крыльцом и «красными» воротами. По словам хозяйки усадьбы, в чистом дворе гостей принимали, в хозяйственный — дрова, картошку привозили.

Трехчастная планировка усадьбы представляет большой интерес. Чистый двор с баней, амбаром и навесом ограничивает усадьбу справа; слева от избы — два двора: в центре хозяйственный с двумя амбарами, и скотный со стайкой с «поветью» и навесом, который ограничивает усадьбу слева. Все три двора вытянуты вдоль узкой немощеной дороги, за которой, напротив дома, располагались огороды, за ними — следующая улица. Усадьба размещалась на узкой полосе земли между дорогой и крутым обрывистым берегом. Как писал А.В. Ополовников, «усадьба Непомилуева — один из

наглядных примеров того, как сильно может меняться традиционная форма под воздействием внешних условий, оставляя неизменной суть самой этой традиции» (6, с. 121). Все постройки этой усадьбы по конструктивной схеме и строительным приемам были выполнены в народном стиле приангарской крестьянской архитектуры, сохранившей архитектурно-конструктивные приемы древнерусского деревянного зодчества. Могучие «шеломы», «выпуски», поддерживающие свесы кровель, остатки «потоков», «сорок», «курицы» характерны для самцовских безгвоздевых кровель. Четкая структура, строгие конструкции амбаров, зимовья, ставшего впоследствии бани, оторванность усадьбы от других жилых комплексов были безусловным достоинством этого памятника. А.В. Ополовников считал, что усадьба демонстративно оторвана от усадеб, «в чем местная традиция к обособлению доводилась до предельной крайности».

Усадьба четко вписывалась в природный ландшафт, располагаясь на крутом обрывистом берегу Шаманского острова. За скотным двором дорога медленно спускалась к реке. Строители усадьбы, закладывая первые венцы, вряд ли знали тогда, что именно здесь будет пирс, куда будут причаливать теплоходы. С этого пирса отправились в Братск баржи с разобранными памятниками. Со стороны реки вид усадьбы был внушительный: постройки, особенно амбар, как бы нависли

Жилой дом, вид с востока. Фото И. Калининой, 2000 г.

над обрывом. За домом спуск к реке был гораздо круче, чем спуск к «причалу».

Из хозяйственного в чистый двор со стороны реки можно было попасть через тропинку, расположенную прямо над обрывом, ходить по ней было даже страшно. О замкнутости и обособленности крестьянских дворов на Ангаре говорит то, что в хорошо сложенном хозяйстве заплоты делались из довольно мощных плах — расщепленных пополам бревен диаметром 15–20 см. В усадьбе С. Говорина в деревне Подъеланке невозможно было с улицы заглянуть во двор: ни одной щелочки в заплоте.

В 1974 году деревня уже стояла пустая, жители, за исключением нескольких человек, были переселены. Представлялась возможность все досконально рассмотреть, облазить все закоулочки. Когда плотники стали вырубать отверстие в одной из половиц (чтобы сметать мусор), оказалось, что это — распущенное пополам бревно диаметром 30 см, и, что удивительно, дерево было желтым и казалось свежим.

Женщины, оставшиеся в деревне, рассказывали, что с острова они не выезжали и не знают, что делается в Братске, не знают о ГЭС: «Зачем нам выезжать, у нас все свое, да и в магазине купить можно». В свободное время они выходили к берегу посмотреть на Ангару, на теплоходы, идущие в Усть-Илимск и обратно. С большой радостью ждали лавку с товарами. «А раньше, — рассказывала пожилая женщина, — когда мы были еще детьми, ждали купцов на карбасах, они привозили нам ленты, бусы, платки». Традиции здесь еще не исчерпали себя: оставшиеся в деревне парни ходили в ичигах, женщины ткали на кроснах. Именно в Нижней Шаманке нам не дали разобрать стайку с «поветью». «Здесь я своих детей родила, пусть лучше сгорит», — сказала одна старушка. В сознании деревенских жителей стайка воспринималась как нечто сакральное: после свадьбы молодых зачастую отправляли на сеновал, бабки-повитухи принимали там роды.

Оставшиеся на острове жители находились здесь до поджога. Перед самым поджогом деревни их посадили на теплоход и вывезли. Успели и мы отправить в Братск баржи с разобранными памятниками. А вот в Подъеланке — не успевали. Полным ходом шли работы по разработке памятников, когда к берегу причалил теплоход. На борту съемочная группа «Клуба кинопутешествий»,

Жилой дом, вид с северо-запада. Фото И. Калининой, 2000 г.

приехали с целью снять фильм о пожаре. Сжигание деревень в зоне затопления — незабываемое зрелище. «Для чего это надо?» — спросила я у директора фильма и получила такой короткий ответ: «Для истории». Нам же пришлось и организовывать поджог. Решили поджечь несколько усадеб, стоявших в стороне, так как еще не разобрали памятники, предназначенные к вывозке. С утра носили канистры с бензином, обливали постройки. Одновременно поджигали все усадьбы. Разгоралось медленно. Ярко горели наличники на не тронутых еще огнем бревенчатых стенах, додорев, враз опустились на землю и рассыпались. Сухое дерево горело «здравово», как говорили киношники.

Из-за треска не слышно было причитаний и криков оставшихся в деревне местных жителей, их держали под руки. Пламя, казалось, упиралось в небо. Утром на обуглившейся земле в ряд стояли печи (огонь не смог справиться с ними). Фильм этот, говорят, показали один раз, в перерыве футбольного матча. А для истории мы все-таки вывезли четыре усадьбы.

В ходе создания АЭМ «Ангарская деревня» генплан корректировался в зависимости от новых выявленных памятников, так как вывезенные в 1974 году сгорели летом 1980-го. До 1984 года ведущим архитектором проекта был Б.П. Чу-

ласов, с 1984 года — С.М. Колесников, архитектор Иркутских СНРПМ. В генплане С.М. Колесникова из предложенных Б.П. Чуласовым шести усадеб осталось пять. Это оптимальный вариант, позволяющий показать особенности народной архитектуры XIX–XX веков, социально-имущественное расслоение, хозяйства различных по своему составу и структуре семей.

До начала реставрации четвертой усадьбы была построена и сдана в 1989 году госкомиссии с оценкой «хорошо» первая очередь музея: три усадьбы (первая — однодворная с выгоном для скота, вторая — двухдворная, третья — двухдворная с выгоном для скота), хлебный амбар («мангазея»), торговый амбар, церковь, кузница, башня Братского острога, бани, самоловни на берегу. Чтобы не менять ранее принятую архитектурную концепцию, согласно генплану было решено четвертую усадьбу сделать трехдворной по аналогу усадьбы Непомилуева из Нижней Шаманки, тем более, что памятники для нее уже были найдены: изба — длинная клеть с прирубом — Арины Тимофеевны Кропотовой из села Петропавловска Киренского района, похожая на дом-связь Непомилуевых из Нижней Шаманки, оттуда же двухэтажный четырехкамерный амбар, стайка и два одноэтажных амбара — из деревни Ан-

*Окно северо-восточного фасада жилого дома.
Фото И. Калининой, 2000 г.*

чериково. При реставрации этой усадьбы был использован метод «выдергивания» построек из разных мест, некогда рекомендованный А.В. Ополовниковым.

Изба рублена, судя по домовой книге, в 1891 году хозяином усадьбы Тимофеем Ильичом Таракановым (отцом последней владелицы дома) «помочью» с братьями. В 1991 году изба и двухъярусный амбар были перевезены по зимнику в «Ангарскую деревню». Изба состоит из двух половин: дворовой, более старой части и прирубленного к ней через сени уличного четырехстенка. Собственно жилая изба рублена в «лапу», сени — в «обло». Сени-прируб служили подсобным помещением для хранения инвентаря, продуктов и частично выполняли роль горницы в летнее время. Они сложены из массивных лиственничных бревен диаметром 30–35 см. Нужно отметить высокое качество работы и то, каких трудов стоило найти и вывезти столь мощные бревна. В низовьях Лены — в основном тонкие деревья, как мы называем, «тонкомер».

Хозяйка избы, Арина Тимофеевна, 1911 года рождения, оказалась на редкость разговорчивой женщиной, она рассказала нам, что изба сложена из кольцованного леса, когда венцы кладутся не комель к вершине, а «стволы срезаются и ровной толщины делаются — и вверху, и внизу». По ее терминологии, сени имеют два яруса: низ — двухкамерный амбар, верх — «пятыры» — чердак с дверным проемом. Амбар делится на «белый» и «мушной». Рядом с «белым» амбарам имеется «чулашка» — маленькая кладовка. «Белый» амбар имеет круглые углы, два небольших окна, вдоль северной и восточной стены встроены массивные лавки. Стены окантованы топором. В «мушном» амбаре стены изнутри не окантованы. Сени имеют два выхода: в чистый и хозяйственный дворы. Снаружи под сенями вход в подвал со стороны чистого двора. Изба-клеть с двумя окнами по торцу, четырьмя — по боковому фасаду и одним оконцем в кути. В старой клети небольшие косящатые окна. Бревна стен, примыкающие к косякам окон, обтесаны и оформлены наличниками с одностворчатыми ставнями. Наличники завершаются горизонтальными сандриками. Другие окна обтесаны и оформлены по краю резным пояском треугольников. Конструкция двухскатной кровли смешанная: над дворовой клетью — самцовская, на слегах под уличной половиной — стропильная. Пол в избе кантованный. При реставрации жилая часть избы

Интерьер жилого дома, кутья.

Фото Л. Шевгениной, 2004 г.

тем надо было брать «подкормленку». Ее усадьба к началу века включала: избу-клеть с прирубом, двухъярусный амбар, стайку, три навеса, баню. Огород был с восточной стороны. «Белый» амбар можно сравнить с «горницеей» в доме-связи, который состоял из зимней избы, активно использовавшейся круглый год, и горница, которая крайне редко использовалась в зимнее время. Как говорила хозяйка, «белый» амбар использовался при приеме гостей — «постель клали». Этот холодный, неотапливаемый сруб использовался для различных хозяйственных работ в летнее время, в основном — для женского труда и для посиделок. «На Петровку там гуляли, песни пели да плясали», — говорила Арина Тимофеевна. «Мушной» амбар предназначался для хранения зерна, муки и других продуктов питания, «чулашка» — для хранения продуктов питания каждого дня спроса и

перепланирована: печь развернута челом от двери, спальня превратилась в кухню, кухня — в «прихожку». Заборка из досок выполнена высоко, не соответствует имевшимся пазам.

Арина Тимофеевна рассказала, что их семья была немногочисленной: отец — Т.И. Тараканов, его жена, свекровь, дочь самой Арины, старший брат. К началу коллективизации семья владела «тройкой» лошадей, тремя коровами, пятью овцами, пятью свиньями. Полоса пашни, со слов Арины Тимофеевны, была средней, «подкормленки» (дополнительный надел земли) не брали: у кого была большая семья,

мелкого хозяйственного инвентаря. На «пятрах» (чердак) — белье сушили, веники, мясо, рыбу, вела туда лесенка, выдолбленная из колоды. В подвале — под амбаром — «молоко держали». Со слов хозяйки, полатей в избе не было.

Как известно, имущественное положение деревенской семьи таежной зоны Восточной Сибири определялось количеством работников в семье. В начале XX века сохранились неразделенные семьи с двумя, тремя и более работниками. В Приангарье (например Большемамырская, Братская волости) они составляли треть от общего числа семей. В основном же к середине XX века преобладала малая семья. Малой считалась семья с одним работником (мужчина от 18 до 60 лет) или с одним работником плюс полуработником (мужчина от 14 до 18 лет и от 60 до 70 лет). В среднем на работника приходилось по три едока. Семью Таракановых, которым принадлежала вывезенная в 1991 году изба-клеть с прирубом, можно отнести к семьям среднего достатка с соответствующим имущественным укладом. К числу семей среднего достатка можно отнести и семью Непомилуевых. Местные жители рассказывали, что они никогда богато не жили. Об этом свидетельствует и набор построек усадьбы: дом-связь, зимовье, баня, хлебный амбар, в хозяйственном дворе — два амбара, стайка, навесы. Принципиальной разницы в имущественном положении семьи Таракановых с Лены и Непомилуевых с Ангары не было.

Проект реставрации выполнен Братским реставрационным участком Иркутских специализированных научно-реставрационных производственных мастерских в 1991 году, архитектор Б.П. Чуласов. Документация хранится в архиве Центра по сохранению историко-культурного наследия (ЦСН, г. Иркутск). Четвертая усадьба — единственная, где все памятники подлинные. Новоделами являются ворота, калитка, навесы, заплоты. Паспорта на постройки составлены в 1999 году И.В. Калининой — архитектором ЦСН, хранятся в фондах БГОМ. В плане это прямоугольная усадьба. В продольном направлении она делится на три двора: чистый, хозяйственный и скотный. В чистый двор, справа от избы, ведут ворота-новодел, сделанные по аналогам ворот Приангарья. Ворота, калитка, заплот имеют одну высоту и перекрыты общей двухскатной крышей (типично для Сибири перекрытие ворот и заплата единой кровлей). Опоры ворот из стесанных бревен. Калитка и двухстворчатое по-

Открытие усадьбы Непомилуева. Фото Л. Шевгениной, 2004 г.

лотно выполнены из досок в «елочку». Северо-восточную границу усадьбы фиксирует двухэтажный четырехкамерный амбар, по две камеры на каждом этаже, расположенный напротив жилого дома. Кровля амбара двухскатная, стропильная. Рублен в «лапу». На втором этаже вдоль продольного фасада устроена галерея под залобником. На галерее ведет открытая лестница со двора. В северном углу двора расположен хлебный амбар, вывезенный из деревни Анчериково. Небольшой однокамерный сруб под самцовкой кровлей, рублен в «обло» с остатком. Внутри амбар не имеет потолочного перекрытия, с обеих сторон встроены сусеки. Два амбара чистого двора соединяет однопролетный навес на двух столбах, стесанных до четырехугольных, под навесом устроен навес из плах. В хозяйственный двор, расположенный слева от избы, ведут одностворчатые дощатые ворота на «вереях». Напротив избы расположен амбар, ориентированный торцовым фасадом на улицу, состоит из двух половин под общей самцовкой кровлей на «потоках» и «курицах». Вдоль северо-западной границы хозяйственного двора устроен крупный двухпролетный навес на трех массивных бревенчатых столбах. Кровля односкатная с настилом из желобов. В задней продольной стенке рядом с жилым домом одностворчатая калитка. Под

навесом настил из толстых плах. Стайка с «поветью» — сеновалом, купленная у Александры Чупиной в Анчерицово и построенная ее отцом в 1930 году, расположена в южном углу скотного, вымощенного плахами двора. Торцовым фасадом ориентирована на улицу. Прямоугольная постройка под самцовской кровлей, здесь отсутствуют «потоки» и «курицы». Все заплоты набраны из бревен, концы которых вставлены в пазы столбов, вертикально врытых в землю.

Усадьба дополнила и продолжила улицу «Ангарской деревни», состоящую теперь из 1-й, 2-й, 3-й и 4-й усадеб. В первых трех усадьбах расположены соответственно экспозиции, характеризующие хозяйство и быт малой крестьянской семьи, семьи среднего достатка и большой неразделенной семьи-«артели» на рубеже XIX–XX веков. Новая экспозиция, рассказывающая о жизненном укладе населения Среднего Приангарья в 40–50-е годы XX века, позволяет более полно и всесторонне проследить дальнейший путь развития Приангарья вплоть до переселения жителей в связи с созданием водохранилищ на Ангаре.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Фонды БГОМ, ВС 1890-26. — Воспоминания В.В. Шляпкина.
2. Фонды БГОМ, ВС 1805-а-л. — Калинина И.В. Паспорта.
3. Ковалев А.Я. Ангарский каскад. — М., 1975.
4. Ковалев А.Я. Гиганты на Ангаре. — М., 1970.
5. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. — Т. II, вып. 6: Иркутская губерния. Округ Верхоленский. — Иркутск, 1892.
6. Ополовников А.В. Русское деревянное зодчество. — М., 1983.
7. Сабурова Л.М. Культура и быт русского населения Приангарья. — Л., 1967.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ КОЛЛЕКЦИОНЕРОВ В МУЗЕЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ТРАНСЛЯЦИИ

*Владимир Михайлович Лапенков,
ведущий специалист Восточно-Сибирского
управления Федеральной службы
по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране культурного
наследия, г. Иркутск*

Качественные изменения в деятельности музеев в современный период (большая ориентация на потребности музейной аудитории, демократизация, преодоление «закрытости» и др.) вызвали к жизни представление о функциональности музея как социального института, о повышении его коммуникативной функции. Коммуникация как процесс общения, передачи информации, значений, смыслов, происходящий в музее, стала одним из фундаментальных понятий современной музеологии. В настоящее время формируется принципиально новый коммуникационный подход, заключающийся в соединении антропоцентрического и культурологического принципов. Коммуникация становится важнейшей функцией современного музея, на ее базе возникает методология «понимающего музееведения». Отличительной особенностью этого принципа является исходная уравновешенность позиций всех участников акта общения: посетителей, профессионалов, создателей и владельцев музейных предметов, равное внимание к их взглядам, на пересечении которых рождается многосмысловое музейное собрание, осуществляется трансляционная функция музея. Объективность процесса изменения сущности музейной коммуникации еще в середине XX века отметил Кеннет Хадсон, организатор Европейского Музейного Форума, писавший, что «музеи слишком важны, чтобы доверять их музеологам...» (4, с. 5).

На наш взгляд, большую роль в совершенствовании коммуникации музея, повышении ее эффективности наряду с другими категориями граждан могут сыграть коллекционеры, владельцы частных собраний. Эта группа населения занимается собиранием и хранением памятников истории и культуры, параллельно с музеями создавая коллекции, являющиеся особо ценными для сохранения историко-культурного наследия региона. Часть собирателей обладает высокой исследовательской и научной квалификацией в избранной области коллекционирования, позволяющей им выступать в качестве консультантов, экспертов, транслировать накопленные знания в виде выставок и специальных изданий. В Иркутске, например, хорошо известны имена коллекционеров-исследователей С. Медведева, В. Сидорченко, В. Блануца, С. Снарского.

Немало у нас коллекционеров, обладающих собраниями, возможно, не представляющими особой историко-культурной значимости, но способных участвовать в реализации одной из важных музейных функций.

Жители области, неравнодушные к улучшению работы музеев, особенно коллекционеры, с удовлетворением восприняли статью М.А. Тихоновой «Экспонирование традиционного народного костюма через кукольный вариант», опубликованную в журнале «Тальцы», в которой впервые в музейных кругах области поднята проблема использования возможностей частных коллекционеров для улучшения коммуникативной и трансляционной функций музеев, повышения экономической эффективности музейной деятельности. Опыт взаимодействия музеев и коллекционеров в организации выставок имеется во многих государственных и муниципальных учреждениях

Почтовые марки «Народы СССР», 1933 г.

Этнографические типы Африки, 1940-е гг.

области, но оно осуществляется спонтанно, без постановки целей, которые четко выражены в названной статье.

Хотелось бы добавить к ним еще одну — приобщение к миру красоты. Академик Д.С. Лихачев в заметках «Ценности культуры не стареют» писал, что музеи не только хранилища картин и памятников, на них «лежит ответственнейшая задача нравственного воспитания людей, развития у них эстетического вкуса и поднятия культурного уровня» (2, с. 286). В частных собраниях имеется немало предметов и коллекций, которые смогут одновременно расширить знания посетителей по направленности действий музея и воспитывать эстетический вкус. К таковым относятся прежде всего предметы филателии.

Филателией называется коллекционирование знаков почтовой оплаты, то есть систематическое собирание и исследование почтовых марок, конвертов, бланков и документов всех видов. Существует несколько направлений филателии — классическая, периферийная, старая (домарочная), но наиболее распространена в современном мире тематическая, или мотивная, в которой предмет собирания выбирается на основе рисунка или текста почтового документа. Количество тем неисчислимо, но одно из ведущих мест занимает этнология. Об этом можно судить по эмиссионной политике почтовых ведомств стран мира, регулярно выпускающих почтовые марки с изображением жилищ, костюмов, причесок, татуировок, традиционных транспортных средств, музыкальных инструментов, ремесел и изделий декоративно-прикладного искусства, кушаний. Нередко сюжетами знаков почтовой оплаты становятся герои национальных сказок, легенд, песен.

Следует отметить, что пока не существует мирового каталога марок на тему этнологии (в отличие, например, от таких

ведущих тем, как Олимпийские игры, авиация, космонавтика, фауна, флора). Причина, на наш взгляд, в обилии почтовых эмиссий. В коллекции автора имеется свыше трех тысяч марок, почтовых блоков, листков, и собрание пополняется чуть ли не ежедневно.

Первые серии почтовых марок этнографической тематики выпущены в конце 1920-х годов в Швейцарии. В течение нескольких лет они показывали традиционные головные уборы жительниц разных регионов страны. В начале 1930-х годов примеру соседней страны последовали Австрия и Германия, также поместившие на марках головные уборы. А затем волны этнографических выпусков стали захлестывать филателистов. В каждой из африканской и американской колоний Франции вышли прекрасные по исполнению серии марок, являющиеся мечтой коллекционера-этнографа. Впервые они были выполнены в технике металлографии. Большие серии выпускались в Бельгийском Конго, африканских и азиатских колониях Великобритании. Почтовые марки недаром называют визитной карточкой государства. Начиная с 60-х годов прошлого века, с появлением на политической карте мира новых государств, все они отметились в альбомах филателистов красочными выпусками марок на этнологические темы.

Но и в цивилизованных странах, где, казалось бы, давно уже нет места экзотике, этнографические темы постоянно присутствуют в планах почтовых эмиссий. Много таких марок выпущено в США, Италии, Канаде, странах Скандинавии. В Испании, например, вышло около 50 марок с изображе-

Испанский женский костюм,
1960-е гг.

Типы евреев. Израиль, 1990-е гг.

нием женских костюмов всех территорий страны и ее африканских владений. В Европейском сообществе ежегодно выходит почтовый выпуск, посвященный единой теме. В 1971 году такой темой было декоративно-прикладное творчество, в 1981 и 1998 годах — народные праздники. В 1999 году отличился Китай: к 50-летию провозглашения КНР почта страны выпустила лист из 56 марок, изображавших все народы, населяющие страну, в их национальных костюмах с музыкальными инструментами. Среди народов — русские и эвенки.

Показательна и политика почтового ведомства Израиля — государства, которое собирает на историческую родину из разных концов света людей одной нации. На серии марок, выпущенной в 1997–1999 годах, показаны костюмы, отличающие бухарских евреев от индийских, греческих или марокканских. Специальные серии посвящены традиционным лакомствам, завезенным в страну из мест рассеяния, в том числе известной многим у нас фаршированной рыбе, а также разговорным языкам евреев мира.

В нашей стране первая этнографическая серия поступила в почтовое обращение в 1933 году. Она насчитывала 21 марку и была интересна изображениями ряда народов страны, необычно воспринимающимися в наше время: бурят, например, сидит на быке, запряженном в двухколку, бородатый еврей в Биробиджане стоит на фоне экскаватора. Судьба двух марок из этой серии была необычной: после репрессирования в 1943–1944 годах татар Крыма и чеченцев марки с их изображениями изъяли не только из почтового обращения, но и из всех каталогов, выпускавшихся с 1948 по 1956 год.

Впервые их реабилитировали только в 1995 году, поместив в каталоге иллюстрации и полный текст названия марки. В конце 1950-х — начале 1960-х годов в СССР произвели несколько выпусков почтовых марок с изображением национальных костюмов титульных народов союзных республик. В серию вошла также марка, посвященная корякам. Почему для них было сделано такое исключение (или честь?), до сих пор непонятно.

Бессмысленность такого подхода к национальным проблемам (почтовые марки, как показывает мировой опыт, в определенной мере влияют на их состояние) показали почтовые выпуски стран, возникших на руинах Советского Союза. Во всех них выпущено множество марок с изображением костюмов разных территорий, национальных праздников, музыкальных инструментов. Благодаря этим выпускам мы узнаем, что нет единого украинского или узбекского костюма, что кроме праздника 1 Мая или Дня Конституции есть Навруз, Дожинки, Рождество.

Исключением стала Россия. Похоже, что наряду с долгами Советского Союза она приняла на себе ответственность за сохранение психологии советского периода в деятельности структур власти, в том числе в планировании почтовых выпусков. За все 15 лет российского суверенитета не выпущены у нас почтовые марки, посвященные русскому костюму (не стилизованному и утрированному, а донскому, верхневолжскому или архангельскому), национальным праздникам бурят, татар или чукчей, традиционным жилищам тувинцев, осетин или русских жителей ленских берегов, блюдам русской, чеченской или еврейской кухни. При виде почтовых выпусков создается впечатление, что власть не любит наш народ, не ценит его национальную историю, традиции, обычай, то есть

**Белорусский костюм: стилизация (первая марка, 1961 г.)
и региональные типы (1996 г.)**

то, без чего люди обречены на беспамятство, на национальное уничтожение.

Недостатки российской почты все-таки компенсируются обилием зарубежных выпусков на этнографические темы. При планировании музейных выставок, посвященных показу традиционного народного костюма, праздников, обычаяев и т. д., можно в качестве дополнительного привлекать филателистический материал, особенно когда речь идет о народах, населяющих нашу область, но имеющих другую историческую родину. Среди них народы бывшего Советского Союза, Китая, Кореи. Интересное сравнение быта бурят и эвенков можно осуществить с помощью почтовых выпусков Канады, посвященных коренным жителям севера Американского континента. Да и в целом использование филателистических материалов благодаря их красочности, особому эстетическому восприятию позволяет усилить впечатление от выставок, увеличить количество их посетителей, развивать эстетический вкус населения. Одновременно налаживается сотрудничество музея с собирателями, создается круг друзей музея из их числа.

Коллекционеры могут помочь сотрудникам музеев сориентироваться не только в море филателии, но и в сфере нумизматики и бонистики. Здесь, как показывает опыт, большинство музейных работников разбирается очень слабо и допускает непростительные для экспозиционеров ошибки. Но это тема отдельного обстоятельного разговора.

В итоге такая форма взаимодействия с частными коллекционерами способствует повышению коммуникативной и трансляционной функций музеев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Граллерт В., Грушке В. Филателистический словарь. — М., 1977.
2. Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения. — М., 1989.
3. Тихонова М.А. Экспонирование традиционного народного костюма через кукольный вариант // Тальцы. — 2004. — № 3 (22).
4. Хадсон К. Влияние музеи. — Новосибирск, 2001.

3 февраля 2005 г. Иркутск, Россия. Научная конференция «Конфессии народов Сибири в XVII – начале XX века: Развитие и взаимовлияние». Конференция была организована Межрегиональным институтом общественных наук при Иркутском государственном университете и ставила своей целью изучение всех конфессий, существовавших в Сибири в дооктябрьский период. В конференции приняли участие видные ученые не только Иркутска, но и Москвы, Новосибирска, Улан-Удэ. Всего было зачитано 20 докладов и сообщений. Значительная часть их была посвящена вопросам взаимодействия конфессий, включавших в себя как соперничество, так и взаимовлияние вероисповеданий. Рассматривались также вопросы истории православия, католицизма и других религиозных течений.

21–25 мая 2005 г. Иркутск, Россия. Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Социогенез в Северной Азии». Конференция была посвящена тематике, связывающей многочисленные направления наук о Человеке и Земле. Вопросы изучения социокультурной динамики расселения и развития народов Северной Азии, опыта приспособления к окружающей природной и социальной среде и механизмов выживания в ситуациях экологического, демографического, политического кризисов в прошлом и настоящем неизменно остаются фундаментальными темами общественных наук. Конференция была организована как мероприятие, подводящее текущие итоги ведущихся исследований и координирующее работу на междисциплинарном и межрегиональном уровне.

30 мая – 3 июня 2005 г. Казань, Республика Татарстан, Россия. Некоммерческим партнерством «Автоматизация деятельности музеев и информационные технологии» (АДИТ) проведена девятая ежегодная конференция. Тема конференции: «Культурное многообразие в едином информационном пространстве», ее участниками были обсуждены такие актуальные проблемы, как «Музеи нового типа: от концепции до реализации», «Музеи и университеты. В чем точки соприкосновения?», «Библиотеки в информационном пространстве музея», «Информационное обеспечение туризма» и др. Одновременно с конференцией в Национальном музее Республики Татарстан проходил музейный компьютерный фестиваль, в котором приняли участие ведущие музеи и медиа-студии России.

НОВЫЕ КНИГИ

Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта довоенного Сибири (середина XIX – начало XX в.). — Новосибирск: ИД «Сова», 2004. — 358 с.

Книга описывает повседневную жизнь горожан Сибири второй половины XIX – начала XX века. Автор рассматривает различные стороны жизни горожан, их социально-правовое положение, состав и численность городского населения, занятия и доходы горожан, а также облик и благоустройство сибирских городов, жилища, одежду, питание, досуг и развлечения горожан региона.

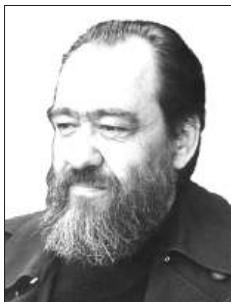
Пермиловская А.Б. Крестьянский дом в культуре Русского Севера (XIX – начало XX века). — Архангельск: «Правда Севера», 2005. — 312 с.

В книге раскрывается высокая культурная значимость феномена крестьянского дома, проводится системный культурологический анализ дома XIX – начала XX века, определяется его место в культурном пространстве Русского Севера, анализируется строительная культура, семантика строительной обрядности и декоративного убранства. Книга написана по материалам экспедиций, проведившихся автором на протяжении более 20 лет по Онеге, Пинеге, Северной Двине, в Каргополье, Поважье, Поморье.

Бубис Н.Г., Ладейщикова Е.Р., Ладейщиков А.Ю. Вдоль по Пестерёвской. — Иркутск: издатель А.Н. Гарашенко, 2005. — 108 с.

Гулять по улицам родного города вдвойне интересней, когда знаешь их историю. Улицы могут рассказать о многом: о том, какие люди здесь жили, какие дома и как строили, о пожарах и наводнениях, о торговле и развлечениях и о многоем другом. Иркутск уникален в том, что ему удалось сохранить исторически сложившуюся сетку улиц. Менялись дома, жители, а направления улиц оставались теми же, что сто и двести лет назад.

Книга открывает серию «Улицы города», в которой историки и архитекторы намерены рассказать, как создавались, как росли, как жили улицы Иркутска.

БАЙКИ

Федор Ясников

ДУМНА ЛЯЖАНКА

Тут така штука... Неправильно устроена наша человеческа жись. Сколь времён понапрасну утекат и дажа вредоносящие опшесву! Она, человечья жись, состоит из трох одинаких частёв. Одну часть человек убиват на сон, другу на всяки житейски и лишни нужды тратит, а треттю делит ишшо пополам — на которую робит и на которую думки разны перебират.

Опеть жа та, которую робит, тожа из трох частёв состоит — часть полезительна, часть никчёмна и часть, которую лучше ба и не делать. Эти части неравны, у кого как... А та, которую думки разны перебират, и вовсе никуда не годна! Ето когда быват, штоб одна ба хошь добра думка пришла, всё больше мелки, пустяшны, а то и вредоумны — эти самы привяшшивы и потому опасливы, от их всяки леворюцы слушаюца, пересройки и прочи невловкости людям творяца.

В последний раз хорошенъ поразмыслив, решил я кое-чего переиначить в своёй, хотя ба, жисти, штоб пользы от иё было как можно боле. И вот, на склоне мудрых лет, спокинул я спальну койку и перебрался на думну ляжанку... Отдал думе всю ту часть, которую обычной человек на сон убиват. И так-то ловко вышло! За ночь-то стоко передумашь, скоко и за неделю не выдумашь! Ишшо и отберёшь. Которы думки хороши, в стопочку складёшь, другие — непотребны — обругашь всяко и под койку, старуха утресь выметет. И так я в етом деле навострился, што теперь и думок пошти не осталось! Сидю ночь напролёт и случай свои житейски на гумагу заношу. Глядишь, и сгодитца кому.

БАНЯ ДЯДИ ФЁДОРА

Баня у меня, скажу тебе, товарыш читатель, — всем баням баян! Великая сила в ей хоронитца! Так и быть, обскажу честь по чести, как было...

Акурат на пересройку зима началася с морозов. Поначалу тugo заворотило... А тут приспичило по дрова. Поехали с Петровичем, дров привезли, конешно. Но шибко настудилися и порешили баньку мою истопить. Петрович-то паритца — зверь, но и я ему не уступаю! Он поддаёт и я поддаю — квасом, парку-то. Ну, поддаём сидим... Таку баню не кажной стерпит, токо мы с Петровичем... Он-то ишшо поперёд меня выскакивает. Но паримся... Я говорю:

— Петрович, — говорю, — ето, брат, нехорошо! У нас тут жар кости ломит, а люди на морозе...

— Ну дак што? — отвечат. — Домой придут, тожа бани затопят...

— Да, ить, не у каждого бания есть... А есть, дак находисся-намёрзниssя, не всхочешь и возюкатца с ей — дров наколи, воды натаскай да ишшо и топи...

— Пустой ты, Фёдор, разговор ведёшь. Всё одно твоей бани всех зараз не согреешь...

— Ты погоди хритику наводить, — говорю, — лучше послухай, кака у меня думка есть. Мы с тобой банию всего пару часов топим, так?

— Ну...

— Потомака все двери позакрываем, все шшёлки позатыкивам, помалу дровишков подкидывам и паримся, так?

— Ну, так, и што?

— А то! Ежели банию день-ночь топить, а потомака всё распазить и наддать хорошо — эхект, думаю, будеть ошшутителной! Потеплет, значить, на морозе-то. Однако спытать надо, а? Как шшиташь, Петрович?

Петрович мозгами пораскинул и сказал:

— Однако, Фёдор, резон есть. Отчего людям не потрафить, ежели можно...

Сказано — сделано. У нас так — долго не размышляем, ма-хом за дело! Дровишек в банию натаскали, топим и паримся заодно — чё здря-то сидеть? Дело к ночи — топим... Тёмно стало — ляктричесво зажгли, дальша топим-паримся... Ночью по очереди в предбанничке спим. Под утро гляжу, Петрович помолодел, седина сошла, на лысине волос заколосился! Я тожа, чую, вроде силы вдвое прибавилося! В оконце погляделся, насилиу себя узнал — молодец, хошь снова под венец! Да жинки жалко — кому она, старая, будет надобна? Паритца-то не любит...

Но дальши топим. День топим, два топим... На третий, под утро, с-под полка коркодил ахриканской вылез! Мы его насилиу обратно веникама загнали. Он потом в Ахрику уполз —

жарковато ему стало в руськой бане. А зараньше ишшо анасы с бананама выросли! Мы их кушам да дальша топим. Как доели хруфты-то, неделя прошла. Я и говорю Петровичу:

— Может, хватит ужо? Пора бы, верно, и поддать на всюю вселенну, а?..

— Может, и хорош... Чё, распазивам двери-то?..

— Распазивам!

Распазили, полным ковшом квасу поддали... Чё пару дивно было! Ничё не видать! Ошшупью на двор выскочили, глядим, а он там тучами по небу заходил и торопическим дожжом на снег полился! А дожжик-то горячий ишшо, даc снег-то махом стаял, разом подснежники пошли, трава зазеленела... Но ето за заплотом, а у меня во дворе давно лето, жинка уже вдруг-горядь помидоры да огурцы с грядков собираят! Урожай за урожаем идёт! Меж грядков павлины запросто разгуливают, по облепихе попугай с мартышками скачут! И када токо успели приехать?! Везде к декабрю дело, а у меня лето!

И всё ба ничё, да токо недалёко лето пошло... Над деревней-то хорошо, а дальша, за околицей, грязь и слякоть... Тёпло-то тёпло, да токо погоду-то спортили, зиму угробили... Слыхали про глубально потепление? Даc оно от моей бани... Лезурьтат превзошёл все неожиданности... Моя баня на мировой климакт повлияла... Теперь када ишшо погода наладитца...

Так што, дорогой товарыш читатель, с руськой баней не шути...

БЕДНОЙ МЫШАК

У Петровича на ферьме всякой живности полно, коровы у его там, козы, свиньи, гуси, индюшки, куры... Собаки, кошки, конечно... Даже мышак есть, правда, всего один. А вот коней нет, ни одного...

Но никто не скучат. У наших ворот всегда хоровод! Ежели, к плимерю, кошки затеют мышака гонять, вся ферьма подключатца! Одного мышака скопом и гоняют (Петрович с супругой, правда, не участвуют — хозяйство большио, время ни на чё не хватат). Коровы на мыша мычат, копытом землю роют, рогам тычут, хвостам хлещшут — точь-в-точь быки испански! По тевелизерю показывали. Гуси на его шипят и норовят за ухи ухватить, собаки на его тявкают, ну а кошки они и есть кошки...

Он, бедной, мышак-то, уж жаловался мне:

— Ох, дядя Федя, хошь бы съели они меня, што ли! Эта ихня охота мне пуще неволи... Ладно, малось потреплют при ловле, дак ить поймают и давай поучать — не лазь по анбарам, не трожь хозяйско добро... Потом отпустят... Скушно станет, опять ловят и опять поучают... По сколь раз на дню от них бегаю!.. Нашли вредителя... Да много ли я хозяевам навредю?! Подумашь, полкружка сыра за зиму отрызу да полкило крупы — вот и всё вредительство... Мне ж много не надо, я ж один на всю ферму... Они говорят — от тебя, мышак, никакой пользы... А какая польза, дядя Федя, от этих кошек? Они чуть не каждый месяц все на сносях ходют! Кажна по пять, а то и по семь штук приплоду приносит... Ты у нас за умного, дак пошшитай-ко, сколь их за зиму прибудет?.. Ну и кака же с их польза? Их же кормить надо!.. А я через их женитьца не могу... Никака сама задрипана мышка на таки условия не идёт...

— Чего ж, — спрашиваю, — не убегишь никуда?

— А куда нынче убегишь-то? Чай, не ранешни времена... Теперь везде, чуть что не так, махом жизни лишат... На ферме всё-шки живу как-нито... Да ты не бери в голову, дядя Федя, это я так... И поговорить-то не с кем...

Доказал-таки я потом Петровичу, что мышака надо на довольствие поставить. Польза, говорю, от его больша — всю ферму веселит!

ИШШО ОДНА СТРАШНА ИСТОРИЯ

Дак вот про Петровича-то... Хошь и страшно, но уж больно поучительно.

У Петровича коло фермы каждой год ведмедя похаживали, но с имя он как-то ладил. А тут этот объявился... Вот ить пакось! Остальны ведмеди как ведмеди, есть даже которых лично уважаю, но етот... Одно слово — шатун да и только! Ему не то что на голодный, а и на сътой зуб не попадайся! Задерёт кого на виду всей тайги, а скажет — так и было. И попробуй докажи — у его в пасти тридцать два огромных арьгумента да на лапах двадесять, да тонны полторы живой злобы! И приходит така зверюга средь бела дня к Петровичу прямо на ферму и рыком:

— Я здеся жить буду! Не уйдёшь — съем!

Вот фулюган! Но да Петрович-то и сам не лыком шит! Знай наших, не сробел! Даром, што арьгументов у его помене — одна бердана да гола правда, не говоря худого слова, шаражнул из берданы-то, шатун зараз други аргументи и выложил...

Слыхали про ведмежжу-то болесь?.. Ну, выложил он их и, как был больной, замест дохтура, к мировому судье побёг, заяву на Петровича подавать. Во злыдень — бумажки клочок в суд волочёт!

У наших судей хошь и немало затей, а супротив ведмедя не нашлося, мировой-то токо глянул на шатуна, тут жа тоже занемог! Кака заразна болесь-то оказыватца... Хорошо ишшо судебнах сполнителев не было, а то не знай, што б и было... Судья, делать нечего — и сверху и снизу поджимат, — принял у его заяву, ну а как был в волнении рассудка и в расстройстве живота (не каждой же день шатуны в суд приходят!), пустил ету заяву по другой, не судебной, но тоже нужной надобности...

Скоко-то дён проходит, шатун у мирового решения требоват... А тому стыдно признаться, што так, мол, и так, с заявой-то, и придумывают вся-а-аку волокиту... Судейскому, известно, — чужа докука, што злая мука... Ему, слышь-ко, мечталось, што враждующши стороны как-нить сами порешат дело — наберут поболе аргументов и порешат... Но вышло по-другому...

От волокиты судебной шатуна досада на Петровича берёт... С этой досады он у Петровича на ферьме стал всяки непотребства творить. Сперьва все провода высокой напряжённости погрыз, потом столбы ляктрически повалил и уж было за будку тресьформатерьску принялся, но тут его шибануло ляктричесвом-то! Да так, што начисто последне умишко отшибло... Оттого и поел он на Петровичевом картошешном поле всю ботву, которая после уборки оставалася. С ботвы шатунишка бедной и вовсе плохой стал — сам не свой сделался. Теперь никуда не ходит, на пеньке сидит верхом и письма в разны инстанции вслух сочинят... Воистину — выскочил ворог на бранно поле да себе и наделал горя...

Друго — мировой. Он, слышь-ко, в заграницну санаторию укатил, на Погамны острова, от ведмежжей болести лечитца. Умной...

РАБОТАЯШША ЖИНКА

У моёва суседа жинка дюже работяшша женчина и об супруге заботлива (оттого, верно, он у неё гляже шёлка). Раным-рано, ишшо до вторых петухов, ишшо и одного глаза не откроет, а уж мужа расталкиват и говорит ему ла-а-а-асково, скрость дрёму:

— Буду сёдни пирожки тебе пекчи... Пока одеваюся-умы-

ваюся-собираюся, ты мне куфню приготовь: наперво тесто замеси, потомака воды принеси, дров наколи да печь растопи, картавки навари, истолки да пирогов налепи...

Ишшо и на куфню не выходила, а уж об другом дума:

— Стирать надоть... Ты, милый, — мужу-то байт, — воды нагрей, бельишко замочи... Постираю, на верёвочку развесай, помои вынеси да не забудь пол подтереть...

Пироги-то печёт, друга забота приходит:

— Печь-то подтопи да поросятам свари, имя снеси да та-мака прибери... У меня ишшо стирка впереди...

Пирогов напекла, опять беспокойство:

— Стайку почисть, коровёнке сенца подбрось да подои, молоко процеди, сметанку сбей... Да уж и бельишко заодно состирни, а то изнемогла я, пойду полежу чуток...

И так кажинный день! Ох и работяшка женчина...

СИБИРЯКИ НАРОД ВЕСЁЛОЙ

Мы, сибиряки, народ весёлой, чего ни случись — не унывам! Песни поём, сказки врём, пляшем, бывает, до упаду! Нам всё нипочём! У нас всё сгори, всё потопни — мы целёхоньки останемся, потому ни в воде не горим, ни в огне не тонем! У нас пошто земли трясение часто бывает?.. Наши-то все знают. Объясням для приезжих: ежели тряхнуло, знать, сибиряк помер и в гробу ногой дрыгнул! А иначе нам никак нельзя — климат суровой... Резоканительной... Токо захандри — махом застудисся!

Сибиряк, он вполовину бурят, вполовину украинец, вполовину русский. Остально не в шшот, потому, ежели ты не бурят, не украинец и не русской, а всё одно сибиряк, то уж верно ты или бурят, или украинец, или русской, будь ты хошь ахриканец! Вот возьми меня — дядю Фёдора. Ни одна собака во мне негру не почует! Хошь сбоку, хошь спереду, хошь со всех сторон гляди — не углядишь... А ить я чистый ахриканец и есть! И до той поры ахриканцем был, пока ведмедя впервый не постречал... С той стречи запамятовал, как и по-ахрикански-то бают... Дажа чернота вся с головы до пят спала! Во, глянь, только кой-где коришневы пятнушки осталися меленьки... Шибко, паря, впечатляющий зверь! У меня и ребятёшки все скроль белы пошли! И тожа с пятнушкама... И лопочут тожа все по-нашему, по-сибиряцки. А ить ни который из них с ведмедяма ишшо ни разу не видался — меня хватило! Готовы сибиряки...

И вот чего я тебе присоветую: ежели ты негра или другой какой не наш, ступай в таёжку — ведмедь из тебя сибиряка сделат! Тожа никаво унывать не станешь! Хорошая будет жись!

ОТКУДА БАЙКИ БЕРУТЦА

Эх, хотел ишшо одну заправдишну историю сказать, да книжка кончатца! Последний листок гумажки остался и во втуручке моей чернил на полнокотя высоты... Как в терпимометре, когда крешшенски морозы. А моя дражайша супруга пеньзию на искусство жалет...

А тут ишшо некоторые пристают: откуда, спрашивают, ты, дядя Фёдор, байки берёшь...

А я-то думал — все знают! Это ж прошше пареной репы! Значить, так... Берёшь сетёшку меленьку, как на аньгарку, зачищавшь в Аньгару подале и вытягивашь! Потом сиди выбирай... Каку не надо, обратно бросай, может, сгодитца кому... Пошто они тама завелися?.. Вот сейчас и видно приезжего! А ты у наших спроси, тебе кажный ответ даст!

Аньгара-то откуль бегить? Вот то-то што с Байкалу! Он же так и называтца — Байка-л! Значить, в ём они и живут! А в Аньгару заплывают... на нерест... Ино и в Ушаковку заходят... Раньче, когда ГЕСу не было, их стоко в реке плескалось! На всех хватало! Наши замест бредня мешком крапивным начерпают и хвастают друг перед дружкой — у кого байки ядрёней... Бабёнки-то наши не очень любили эту ловлю. Чё, мол, с их проку — ни съесть, ни продать... А того не разумеют, што хорошая байка — она душу утешат... Моя-то супруга вон — ругатца, а как начну ей свой улов предъявлять, она про ругань-то и забудет! Потом до-о-олго не ругатца...

Ну вот и всё пока... Как другу пеньзию получу, другу книжку зачну...

Об авторе: **Федор Леонидович Ясников** родился в 1949 году в Иркутске. Учился в Иркутском училище искусств у известной художницы Г.Е. Новиковой. Работал на разных производствах, в настоящее время — главный художник Иркутского городского театра народной драмы. Автор статей об искусстве в различных изданиях. Год назад, работая на иркутском телевидении, начал сочинять для программы «По-года» юмористические тексты на темы погоды и народных примет. Так родились эти байки. Публикуются впервые.

СОВЕТЫ РУССКОЙ ОПЫТНОЙ ХОЗЯЙКИ*

СПОСОБ ИСТРЕБЛЯТЬ В КОМНАТАХ МУХ

Затворив окна, накури в комнатах сухими тыквенными листьями, чтоб комната наполнилась густым дымом, потом спустя полчаса отвори окна, и мухи все вылетят. Также можно истреблять мух горькой кассией; взяв несколько золотников кассиевого дерева в аптеке или в москательной лавке, налить стаканом воды, поварить с полчаса, прибавить меду или патоки, разлить в блюдцы, поставить в разных местах. Самое же верное и спорое средство для истребления мух есть грибы мухоморы; взяв два или три гриба мухомора, надрезать сверху, посыпать сахаром, испечь и расставить в разных комнатах на блюдечках. Если в доме есть дети, то для предосторожности надобно блюдечки поставить повыше, чтоб они не могли достать и наесться.

ЛЕГКИЙ СПОСОБ ИСТРЕБЛЯТЬ ТАРАКАНОВ

Вот легкий, испытанный и безвредный способ истреблять тараканов, называемых пруссаками. Возьмите полфунта буры, посыпьте на полках, в шкафах и везде, где водятся тараканы, оставьте там лежать буру несколько дней; через неделю в целом доме не будет ни одного таракана.

НЕПРОМОКАЕМАЯ ОБУВЬ

Возьми полфунта говяжьего сала, растопи, прибавь в него три золотника воску, полтора золотника терпентину, два золотника свежего свиного сала, размешай, чтоб все хорошо

* Печатаются по кн.: Ручная книга русской опытной хозяйки, составленная из сорокалетних опытов и наблюдений добной хозяйки русской К. Авдеевой. — СПб., 1850. — 296 с.

соединилось. Сапоги или башмаки, которые хочешь сделать непромокаемыми, должны быть сухие, и когда станешь покрывать их, нагрей, ибо теплые лучше будут вбирать в себя состав; смесь также подогрей, и вымажь кистью сапоги или другую какую-нибудь обувь, потом дай высохнуть, вычисти хорошенько щеткой.

**ПОЖЕЛТЕВШИМ ВЕЩАМ
ИЗ МАМОНТОВОЙ И ПРОСТОЙ КОСТИ
ПРИДАВАТЬ ОПЯТЬ БЕЛЫЙ ЦВЕТ**

Намылил вещи, которым хочешь возвратить белый цвет, положи на солнце, когда высохнут, то намыль в другой раз: иногда нужно повторить это несколько раз, потом вымой чистой водой и если вещи резные, вычисти мягкой щеткой, чтоб нигде не осталось мыла, выти полотенцем.

**ЛЕГКИЙ СПОСОБ СОСТАВЛЯТЬ
БЛАГОВОННОЕ МАСЛО**

Если желаешь иметь благовонное масло розовое, жасминное, из померанцевых цветов, из апельсинной цедры и другие, то надобно взять самого чистого миндального масла фунт и фунт цветов, из которых хочешь приготовить масло; положив цветы в склянку или графин, налей маслом, поставь в горячую воду, держи до тех пор, пока вода простынет, тогда, вынув склянку из воды, поставь в умеренном теплом месте, через сутки выжми сквозь чистую холстину, если запах не силен, положи свежих цветов и поступай, как сказано выше.

СИНИЕ ЧЕРНИЛА

Возьми бузинных ягод, выжми из них сок, на стакан бузинного соку положи полтора золотника поташу, от чего выйдут фиолетово-синие чернила.

**ТУШЬ, ПРИГОТОВЛЕННАЯ
НА СКОРУЮ РУКУ**

Возьми широкий нож или серебряную ложку, держи над пламенем восковой или даже сальной свечи, в минуту она покроется слоем нежнейшей сажи. Набрав таким образом нужное количество сажи, сотри на плите с водой, в которой

довольно густо распущена камедь, и, разложив в формы, высуши.

ПРОЧНЫЙ, ДЕШЕВЫЙ И КРАСИВЫЙ ЛАК

Возьми хорошего крепкого спирту, положи в него красного, черного или золотистого сургучу, накрай, поставь в теплое место и дай стоять сутки; через сутки сургуч распустится и будет жидкок, тогда размешав хорошенъко, крой кистью. После первого раза будет видно дерево, а когда покроешь во второй раз, то вещь будет иметь прекрасный цвет, и лак прочный. Этой краской, или лаком, можно красить дерево или металл. Если хочешь наперед удостовериться довольно ли крепок спирт, то налив в рюмку спирту, положи в него кусочек сургуча, покрай, дай стоять сутки, когда спирт не довольно крепок, сургуч не распустится, а сделается мягок как тесто, станет прилипать к рукам и тянуться.

ЦЕМЕНТ ДЛЯ ЧЕРЕНКОВ НОЖЕЙ И ВИЛОК

1. Возьми мелко толченого кирпича одну часть, толченой канифоли две части, хорошенъко перемешай; насыпь этим порошком ножевой черенок полон, потом разогрей нижний конец докрасна и горячий всади в черенок.

2. Также следующим образом можно хорошо укреплять ножи в черенках: натолки квасцов, насыпь отверстие в черенке доверху, нижний конец ножа раскали и всади в черенок.

ЛЕГКИЙ СПОСОБ, ЧТОБЫ СТЕКЛЯННАЯ И ХРУСТАЛЬНАЯ ПОСУДА НЕ ЛОПАЛАСЬ ОТ КИПЯТКУ

Новую хрустальную и стеклянную посуду, как-то: стаканы, рюмки, графины, тарелки, корзинки и прочие вещи положи в чугун, налей водой, поставь в печь и дай вскипеть белым ключом; потом выставь чугун из печи, и когда вода простынет, вынь посуду. После этой операции посуда может выдерживать самую горячую воду.